

ТЕОЛОГУМЕНЫ АРИФМЕТИКИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

А. И. ЩЕТНИКОВ

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

1. Что такое «Теологумены арифметики»? Трактат *Теологумены арифметики*, созданный предположительно на рубеже III–IV вв. н. э., является единственным дошедшим до нас произведением, в котором развёрнуто и последовательно излагается пифагорейское учение о числах первой десятки как о структурной и упорядочивающей основе космоса. Название этого трактата переводится на русский язык как «числовое богословие». Принято также говорить об «аритмологии», «нумерологии», «числовом символизме»; все эти названия синонимичны. Идейная основа пифагореизма может быть выражена в словах, которые часто приписывались самому Пифагору: «Всё есть число». Вот как об этой основе рассказывает Аристотель в *Метафизике* (985b = DK 58 B4):

Так называемые пифагорейцы, впервые занявшись математикой, двинули её вперёд и, овладев ею, сочли её начала началами всего сущего. А среди этих начал первые по природе суть числа, ведь они усматривали в них много сходного с сущим и возникающим, – больше, чем в огне, земле или воде (ведь такое-то свойство чисел есть справедливость, такое-то – душа и ум, другое – подходящий момент, и в прочих случаях точно так же); и они видели, что свойства и отношения, присущие гармонии, определяются числами; и так как им казалось, что всё остальное по своей природе явно уподобляемо числам и что числа – первые во всей природе, то они предположили, что элементы чисел суть элементы всего сущего, и что всё небо целиком – гармония и число.

Нам хорошо известно, как исходный тезис пифагорейского учения «всё есть число» воплотился в созданных древними греками математических науках с их системой строгих доказательств, не допускающих ничего недостоверного; и можно сказать, что сама возможность математического расчёта оказалась в этих науках гарантом их строгости.

Однако древний пифагорейский союз по своему существу был всё-таки не научной школой, а религиозным сообществом. Поэтому нас не должен удивлять тот факт, что наряду с «научной» арифметикой в пифагорейских кругах культивировался «дополнительный» взгляд на число, который тоже упоминается Аристотелем в приведённом выше отрывке («дескать, такое-то свойство чисел есть справедливость, такое-то – душа и ум...»). Согласно этому взгляду, числа надлежит рассматривать в качестве основы космического порядка, – ведь справедливость, ум и душа безусловно являются важными составляющими этого порядка. Но основа космического порядка – божественна, поэтому божественны и числа, и учение о числах самих по себе есть богословское учение.

2. Об авторстве трактата. В прежние времена *Теологумены арифметики* было принято приписывать Ямвлиху Халкидскому (ок. 240–325 н. э.), основателю сирийской школы неоплатонизма. Однако к началу XIX века в науке сложилось убеждение, что Ямвлих не был автором этого трактата. Аргументы при этом выдвигались следующие: Ямвлих – философ систематический, а *Теологумены* – это сочинение компилятивное, составленное из различных источников (в тексте *Теологумен* прямо указано, что выписки делались из трактата Никомаха из Герасы под таким же названием и из книги *О первой десятке чисел*, принадлежащей Анатолию, учителю Ямвлиха); стало быть, *Теологумены* являются школьным упражнением, – возможно, составленным кем-то из учеников Ямвлиха.

Для нас вопрос об авторстве не является существенным. Текст *Теологумен* с нашей точки зрения является в основе своей принципиально «безавторским». Если его составитель помечает какой-то фрагмент как переписанный у Никомаха, мы не можем сказать, что автором этого фрагмента был Никомах, – напротив, весьма вероятно, что Никомах в свою очередь пересказал какой-то более древний текст пифагорейской традиции. То же самое касается и Анатолия.

К примеру, автор *Теологумен* воспевае семёрку, – но семёрка точно так же воспевае Филоном Александрийским за несколько веков до этого, и о ней же примерно в тех же самых выражениях шла речь в древнем трактате *О седмицах*, входящем в гиппократовский корпус. Конечно, все эти тексты могут рассматриваться каждый в своём своеобразии, но это своеобразие будет лишь стилистическим, а не содержательным. А содержание у всех этих текстов равным счётом одно и то же, поскольку всякое утверждение о семёрке, которые мы сможем сделать, будет автоматически включено в рамку многовековой аритмологической традиции.

ПРЕДШЕСТВЕННИКИ «ТЕОЛОГУМЕН АРИФМЕТИКИ»

1. Семёрка в мифах, пословицах, архаических преданиях. Семёрка – одно из мифологически значимых чисел. Это связано с тем, что семь – это законченный образ многого. Именно в этом смысле говорится о семи в многочислен-

ных пословицах и поговорках: «семь раз отмерь – один раз отрежь», «один с сошкой – семеро с ложкой», «семеро одного не ждут».

В античной мифологии быки Гелиоса составляли семь стад по 50 быков, семь вождей вели войну против семивратных Фив. В историческую эпоху насчитывалось семь мудрецов и семь чудес света; Рим стоял на семи холмах; о семи церквях, семи печатях и семи ангелах можно прочесть в *Апокалипсисе*.

Семь – это ещё и число дней в неделе, четверти лунного месяца. Бог Ветхого завета сотворил мир за шесть дней, а в седьмой день отдыхал. Гомер в *Одиссее* несколько раз описывает одну и ту же схему событий: нечто происходит в течение шести дней, но на седьмой день случается перемена (X, 81–82; XII, 397–400; XIV, 249–252; XV, 476–478). Годовая схема перемен устроена у Гомера несколько иначе: нечто происходит в течение семи лет, а изменение случается на восьмой год (III, 305–307; VII, 259–261; XIV, 285–287).

В древности семёрка считалась числом, управляющим основными периодами человеческой жизни. У Евсевия (*Приготовление к Евангелию*, XIII, 12, 16) приводятся строки легендарного фиванского музыканта и поэта Лина, в которых говорится, что

Семёрка среди благих, и семёрка – роженица,
Семёрка среди первых, и семёрка – совершенна.

О том, что ребёнок окончательно формируется в утробе матери за семь месяцев, писал Эмпедокл (фр. 600, 604); учил он и о том, что формирование органов завершается «за семь седмиц», или к сорок девятому дню (фр. 605, 609). Пифагорец Гиппон из Метапонта считал, что «число семь во всём обладает наибольшей мощностью, коль скоро мы формируемся за семь месяцев, ещё через семь месяцев начинаем прямо стоять, после седьмого месяца у нас зарождаются зубы, а после седьмого года выпадают, на четырнадцатом же году мы обычно достигаем половой зрелости» (38 DK A 16). Известна также элегия знаменитого афинского законодателя Солона о возрастах, исчисляемых по семилетиям:

Маленький мальчик, ещё неразумный и слабый, теряет,
Чуть ему минет семь лет, первые зубы свои;
Если же бог доведет до конца семёрку вторую,
Отрок являет уже признаки зрелости нам.
В третью у юноши быстро завьётся, при росте всех членов,
Нежный пушок бороды, кожи меняется цвет.
Всякий в семёрке четвертой уже достигает расцвета
Силы телесной, и в ней доблести явствует знак.
В пятую – время подумать о браке желанном мужчине,
Чтобы свой род продолжать в ряде цветущих детей.
Ум человека в шестую семёрку вполне созревает
И не стремится уже к неисполнимым делам.
Разум и речь в семь седмиц в полном бывають расцвете,
Также и в восемь – расцвет длится четырнадцать лет.
Мощен ещё человек и в девятой, однако слабеют
Для веледоблестных дел слово и разум его.

Если ж десятое бог доведет до конца семилетье,
 Ранним не будет тогда смертный конец для людей.
 (Пер. В. Латышева)

Эмпедокл, Гиппон и Солон вряд ли сами изобрели учение о жизнеустроительной роли семёрки; гораздо более правдоподобным будет считать, что они изложили некие архаические представления, лишь дополнив их своими соображениями.

Все эти темы освещены в небольшом трактате *О седмицах*, входящем в гипократовский корпус. Трактат начинается со следующего утверждения:

Форма мира и всех содержащихся в нём отдельных вещей упорядочена так. Семеричный вид и семидневные сроки необходимы и для укрепления человеческого семени, и для образования природы человека, и для кризисов болезней, и для всего, истлевающего в теле – того же, что и во вселенной. И всё прочее имеет семеричную природу и вид, а также созревание и дряхление, – по следующей причине: таково число мира, семичастна всякая форма в нём, семичастен порядок каждой из частей.

Далее в трактате повествуется о семичастном порядке миров во вселенной, о семи ветрах и семи временах года, о семи возрастах человека, о семи частях тела, семи частях головы и семи частях души.

2. Числовое богословие у ранних пифагорейцев. Формирование числового богословия как особого жанра происходит в среде пифагорейцев. Великие математические открытия Пифагора и его последователей связаны с учением о числовых рядах и числовой природе музыкальной гармонии. Интерес пифагорейцев к природе – это интерес к неизменному и вечно существу, проявляющему себя в изменчивом мире. Мы сегодня называем это неизменное и вечно существующее законами природы, пифагорейцы же говорили о разных его сторонах как о божествах. Но боги – это не то же самое, что законы природы: ведь к божеству человек может стремиться, а к законам природы – вряд ли. Первооснову пифагорейского учения как раз и составляло стремление к правильной настройке человеческой души на божественный космический лад; и созерцание чисел и числовой структуры космоса было одной из существенных составляющих этой настройки.

Такие деятели пифагорейского союза конца V – начала IV вв. до н. э., как Филолай из Кротона, Оккел из Лукании и Тимей из Локр, известны своими сочинениями *О природе*, в которых излагалось учение об устройстве космоса. Филолай, собственно говоря, и является самым ранним пифагорейцем, об учении которого по сохранившимся фрагментам можно сказать что-то определённое.

До нас дошло несколько отрывков из книги Филолая, в которых излагается учение о божественной природе и роли чисел первой десятки. Наиболее ярко основы этого учения представлены в следующем отрывке:

Надо рассматривать дела и сущность числа согласно той мощи, которая заключена в десятке. Ибо она великая, всесовершенная и вседействующая, и является началом и вождем божественной и небесной жизни, равно как и человеческой... А без неё всё безгранично, и неясно, и неявлено. Ибо природа числа познавательна, предво-

дительно и наставительно во всём непонятном и для всех неизвестном. В самом деле, никому не была бы ясна ни одна из вещей – ни в отношении к себе, ни в отношении к другому, – если бы не было числа и его сущности. Теперь же оно гармонизирует все вещи к восприятию в душе и делает их познаваемыми и сообразными согласно природе гномона, создавая тела и разделяя порознь отношения вещей, как безграничных, так и ограничивающих. Ты можешь наблюдать природу и мощь числа имеющими силу не только в демонических и божественных вещах, но и во всех без исключения человеческих делах и словах, и во всех ремёслах, во всех искусствах и музыке. А лжи вовсе не допускают природа числа и гармония, ибо она им не свойственна. Это природе безграничного, непостижимого и невыразимого присущи ложь и зависть. Ложь вовсе не охватывает числа, ибо ложь враждебна и противна природе, а истина свойственна и прирождена роду числа (44 В 11).

Когда Филолай в другом отрывке говорит о четырёх началах разумного животного, само перечисление этих начал призвано подчеркнуть организующую роль четвёрки; и хотя сама четвёрка не названа здесь богом, но её божественность можно подразумевать:

Голова – начало ума, сердце – души и ощущения, пупок – укоренения и роста зародыша, срамной уд – семени, оплодотворения и рождения. Головной мозг содержит начало человека, сердце – животного, пупок – растения, срамной уд – всех вообще, ибо всё цветёт и произрастает из семени (44 В 13).

А о семёрке – единственном числе в пределах десяти, простом и не имеющем в этих пределах себе кратного, то есть «не рождённом и не рождающем», Филолай в ещё одном сохранившемся отрывке говорит так:

Это владыка и правитель всех вещей, бог, единый, вечно сущий, постоянный, неподвижный, сам себе подобный, отличный от других (44 В 20).

Итак, семёрка и десятка уже названы богами; и можно думать, что если бы до нас дошли отрывки из Филолая, связанные с другими числами, по которым обустраивается всё сущее, то и эти другие числа назывались бы в них божественными.

Согласно сообщениям Прокла и Дамаския (44 А 14), Филолай учил также о том, что углы правильных многоугольников посвящены различным богам, причём один и тот же угол мог быть посвящённым разным богам, а несколько углов – одному и тому же богу.

Ещё один взгляд на космическую роль натуральных чисел высказан Филолаем в замечательном учении о «сверхразмерностях», согласно которому, после того, как единица производит точку, двойка – линию, тройка – плоскость, а четвёрка – объёмное математическое тело, процесс порождения сущего не останавливается, но следующие числа продолжают производить новые «размерности сущего»:

По словам Филолая, природа приобрела трижды протяжённую математическую величину в четвёрке, качество и цвет – в пятёрке, одушевлённость – в шестёрке, ум, здоровье и то, что он называет светом – в семёрке, а после этого, говорит он, в восьмёрке вещам стали свойственны эрос, дружба, замысел и осмысленность (44 А 12).

О числах-богах учили и другие пифагорейцы, из сочинений которых мало что сохранилось. Показателен следующий отрывок из сочинения Афинагора *В защиту христиан*, в котором переданы некоторые сведения об учении Филолая, а также о воззрениях Лисида из Тарента и Опсима из Регия:

Филолай говорит, что бог заточил всё, словно в тюрьме, и доказывает, что он один и выше материи. Что касается Лисида и Опсима, то один из них определяет бога как неизречённое число ($\alpha\rho\iota\theta\iota\delta\acute{o}\nu \acute{\alpha}\rho\rho\eta\tau\omicron\nu$), а другой – как разность между самым большим числом и ближайшим к нему. Но коль скоро самое большое число – десять (согласно пифагорейцам, оно является тетрактидой и охватывает все арифметические и гармонические отношения), а ближайшее, примыкающее к нему число – девять, то бог – единица ($\mu\omicron\nu\acute{\alpha}\varsigma$), то есть один ($\acute{\epsilon}\nu$), ведь самое большое число превосходит ближайшее к нему на самое маленькое (44 В 15, 46 4).

Ещё один пифагореец первой половины V в. до н. э., знаменитый математик, механик и военачальник Архит Тарентский, написал книгу *О десятке*, – к сожалению, известную нам только по заглавию. Но у нас есть все основания предполагать, что содержание этой книги соответствовало вполне определённому канону, когда поочерёдно рассматриваются особые свойства каждого числа в пределах десятки.

В *Теологуменах* упоминаются ещё несколько пифагорейских авторов, писавших на темы числового богословия. Это Клиний из Тарента, Аристей из Метапонта, Прор из Кирены (автор книги *О семёрке*). Упомянуты также некий Мегилл (автор книги *О числах*) и какой-то Немесий; впрочем, эти два автора могли жить и в существенно более позднюю эпоху.

3. Трактат Спевсиппа «О пифагорейских числах». Спекуляции на числовые темы, унаследованные Платоном от пифагорейцев, приобретают в кругу учеников Платона весьма утончённый характер. У Спевсиппа (408–339 до н. э.) и Ксенократа (396–314 до н. э.), ставших после смерти учителя схолярхами платоновской Академии, на первый план выходит учение о порождении бесконечной множественности вещей из двух начал – единицы и неопределённой двойцы. Это порождение идёт путём двоичного разделения, приводящего к построению двоичного корневого дерева; причём в парадигматических моделях такого порождения в узлах этого дерева в определённом порядке располагаются все натуральные числа либо все рациональные отношения.

Однако наряду с «высокой спекулятивной наукой о числах» в среде академиков сохраняется и освящённая временем традиция числового богословия в его архаической форме. Более того, это древнее учение о божественных числах начинает почитаться за своего рода «высшую арифметику», для которой обычная теоретическая арифметика является как бы введением и приуготовлением.

О приверженности Древней Академии числовому богословию мы можем судить по большому отрывку из трактата Спевсиппа *О пифагорейских числах*, дошедшему до нас в составе *Теологумен арифметики*. Анонимный автор *Теологумен* предпослал этому отрывку следующее сообщение:

Спевсипп Потон, сын Платоновой сестры, преемник Академии до Ксенократа, благодаря постоянному усердному слушанию пифагорейских чтений, а более благодаря сочинениям Филолая составил изящную книжицу, озаглавив её *О пифагорейских числах*. От её начала и до половины он элегантно рассуждает о линейных и многоугольных, о всевозможных плоских и телесных числах, о пяти фигурах, которые соответствуют космическим элементам, об особенных и общих свойствах этих фигур, об их пропорции и соответствии. Во второй половине своей книги он пишет прямо о десятке, объявляя её наиприрождённой и самой целеустремлённой сущностью, поскольку она, наподобие некоего творческого образа, сама (а не по нашему обычаю и не случайно) оказывается основанием для космических свершений, представляя все совершеннейший образец для бога, творца вселенной.

Доводы Спевсиппа, превозносящего десятку, ничем не отличаются от рассмотренных выше доводов пифагорейцев; можно отметить, что он прочно держится предшествующей традиции. В десятке содержится поровну чётных и нечётных чисел; и точно так же в ней содержится поровну простых (2, 3, 5, 7) и составных (4, 6, 8, 9) чисел. Далее, десятка – это сумма первых четырёх чисел, то есть пифагорейская тетрактида; но первые четыре числа являются началами порождения, восходящего от не имеющей размеров точки к объёмному телу.

4. Филон Александрийский. Следующим по времени известным нам сочинением, выдержанным в канонах числового богословия, является принадлежащий Филону Александрийскому (ок. 25 г. до н. э. – ок. 50 г. н. э.) трактат *О сотворении мира по Моисею*.

Филон происходил из знатной еврейской семьи и был воспитан в традициях иудаизма; будучи жителем Александрии, он получил также основательное эллинское образование. В своих многочисленных сочинениях, обнаруживающих прекрасное владение греческим языком и стилистическую изощрённость, он попытался осуществить синтез Библии и греческой философии. Согласно Филону, умопостигаемый мир есть не что иное, как слово Бога, уже создающего мир: «И сказал Бог: да будет свет; и стал свет».

Трактат *О сотворении мира* свидетельствует о том, что Филон был превосходно знаком с пифагорейской традицией числового богословия. Бог создал мир за шесть дней, поэтому Филон первым делом восхваляет шестёрку:

[Моисей] говорит, что за шесть дней был сотворен мир – не потому, что Творец нуждался в некоей временной протяженности, ибо Богу, не только когда Он повелевает, но и когда замышляет, свойственно всё делать сразу, – но потому, что возникающему был нужен порядок. Порядку же свойственно число. А по законам природы изо всех чисел производительнее всего число шесть. Ибо после единицы оно – первое совершенное, равное своим частям и составленное из них: из половины – тройки, трети – двойки и шестой части – единицы. По природе, можно сказать, оно и мужское, и женское в возможности. Ибо в сущих мужским является нечётное, а женским – чётное. Так, начало нечётных чисел есть тройка, чётных – двойка, а возможность обоих – шесть. Ибо следовало, чтобы космос, будучи совершеннейшим из возникших, был утверждён в соответствии с совершеннейшим числом шесть, а кроме того, поскольку ему надлежало в себе самом содержать

возникновения из попарных сочетаний, он должен был образоваться в соответствии со смешанным числом, первым чётно-нечётным, заключающая в себе идею семенного мужского и воспринимающего семя женского (13–14).

Рассказывая о четвёртом дне творения, Филон воздаёт хвалы четвёрке. Четвёрка является источником и основной причиной десятки. Она заключает в себе отношения музыкальных интервалов. Она же первой указывает на природу тела, поскольку наипростейшее тело, пирамида, задаётся четырьмя точками. Квадрат с его четырьмя вершинами служит мерой справедливости и равенства. Четвёрка единственная из чисел получается и сложением, и умножением двух равных чисел, являя некий образ совершеннейшего согласия. Всё создано из четырёх элементов. Наконец, четыре времени года обуславливают возникновение живых существ и растений.

Но наибольшего почтения заслуживает семёрка по её причастности седьмому дню: ведь не в одном каком-то городе или стране, но повсюду этот день является праздником, который один в полном смысле слова достойно назвать общим для всех людей и днем рождения мира. Прежде всего, седьмое число во всякой геометрической прогрессии, идущей от единицы, является и квадратом, и кубом; и таковы числа 64 в прогрессии удвоения и 729 в прогрессии утроения. Далее, $7 = 1 + 2 + 4$, а эти числа дают важные гармонические отношения. Также $7 = 6 + 1 = 5 + 2 = 4 + 3$, и в этих парах чисел вновь приоткрывается кладёшь числовой мудрости. К примеру, 4 и 3 – это катеты наипростейшего целочисленного прямоугольного треугольника, но прямой угол, равный самому себе, является источником всякой фигуры и всякого качества. По этой же причине семёрка является в качестве тройки началом планиметрии, а в качестве четвёрки – началом стереометрии.

Настолько священна природа семёрки, что именно ей принадлежит исключительная роль в сравнении со всеми остальными числами в десятке. Ведь из них одни производят, но сами не производятся, другие производятся, но сами не производят, третьи – и то, и другое: и производятся, и сами производят. И только семёрка не принадлежит ни одной из этих разновидностей... По этой причине прочие философы уподобляют это число родившейся без матери Nike и Деве, которая, как говорят, появилась из головы Зевса, а пифагорейцы – владыке над всеми. Ведь непродводящее и недвижимое пребывает неподвижным, ибо в движении – становление, поскольку и производящее, и производимое – не без движения, первое – чтобы произвести, второе – чтобы быть произведённым. Только недвигающее и недвижимое есть главнейший начальник и владыка, подобающим образом которого следует считать семёрку. Свидетельствует в пользу моих слов и Филолай, сказавший так: «Есть владыка и начальник всего, бог единый, всегда сущий, единственный, неподвижный, сам себе подобный, отличный от всего остального» (99–100).

И это ещё не всё. Ведь число семь задаёт длительность лунной недели. Кроме того, всякое имеющее форму тело имеет три измерения – длину, ширину и высоту, и четыре границы – точку, отрезок, плоскость и пространство, из которых в сумме получается семёрка. Семь – это число жизни, поскольку жизненные циклы человека задаются семёркой (здесь Филон обильно цитирует и

Солона, и Гиппократа). Большой пассаж посвящён связи семёрки с музыкальной гармонией, хотя в чём состоит эта связь, из слов Филона понять затруднительно. И небо поделено на семь кругов, и число планет тоже равно семи, и по семь звёзд содержится в Большой Медведице и Плеядах, и каждое равноденствие свершается на седьмой месяц от предыдущего. Упоминаются также семь чувств, и семь внешних членов тела, и семь внутренних органов, и семь отверстий на голове; да и мало ли чего ещё бывает по семь: семь видимых качеств, семь разновидностей гласных звуков, семь движений, семь выделений тела, семь струн лиры и т. д., и т. п.

И хотя мы лишены возможности сравнивать текст Филона с текстами более древних авторов, трудно удержаться от впечатления, что Филон в своих восхвалениях чисел не придумывает ничего нового, но лишь цитирует и пересказывает древних, которые всё, что нужно, уже сказали. В этом смысле здесь нет никакого авторства, а есть чистая традиция, отказавшаяся от всякого авторства, – традиция, к которой может быть причастен каждый, кто умеет считать.

5. Никомах из Герасы, Теон Смирнский, Анатолий Лаодикийский. Трактат Спевсиппа, о котором шла речь выше, состоял из двух частей: «вводной», в которой описывались свойства числовых последовательностей, отношений и пропорций, и «основной», где речь шла об особых свойствах различных чисел в их отношении к другим числам и к природным количествам.

По этому канону были построены арифметические сочинения неопифагорейца Никомаха из Герасы, жившего во II в. н. э. Целиком дошедшее до нас *Введение в арифметику* соответствует первой части трактата Спевсиппа: здесь рассказывается о различных свойствах числовых последовательностей, отношений и пропорций, в том числе и о последовательностях фигурных чисел. Но оказывается, что само это *Введение* не считалось самодостаточным, но предваряло так называемую *Большую арифметику* – трактат об особенных свойствах чисел первой десятки, дошедший до нас в отрывках, включённых в *Теологумены арифметики*.

По аналогичной схеме строилось *Изложение математических вещей, полезных при чтении Платона* – обширная энциклопедия арифметических, музыкальных и астрономических знаний, составленная Теоном Смирнским, ещё одним автором II в. н. э. Эта энциклопедия содержит краткий обзор, посвящённый свойствам чисел первой десятки. Видно, впрочем, что нумерологический материал Теона не слишком интересовал, и его включение в состав трактата было не более чем данью традиции.

Непосредственные источники Никомаха неизвестны. Что касается Теона Смирнского, он черпал свой научный материал по большей части у двух авторов I в. н. э. – платоника Фрасилла и перипатетика Адраста, которые сами не были оригинальными авторами, но только передатчиками более ранней традиции, а также – у Эратосфена из Александрии, крупного и учёного III в. до н. э., обладавшего весьма разносторонними интересами.

Ещё один автор III в. н. э., писавший на нумерологические темы – это Анатолий, учитель Ямвлиха. О его трактате *О первых десяти числах* мы знаем по тем отрывкам из него, которые оказались включены в *Теологумены*.

ТИПОЛОГИЯ МАТЕРИАЛА

1. Число как количественная характеристика реальности. «Всё есть число», как учил Пифагор. Всякое пересчитываемое множество вещей выражается с количественной стороны каким-то числом; и обратно, всякому числу соответствуют какие-то пересчитываемые количества.

Составление списков таких количеств для каждого отдельного числа представляет собой самое древнее направление аритмологии, засвидетельствованное в упомянутом выше трактате *О седмицах*. «Семь – это число дней в неделе, отверстий на голове, планет на небе, звёзд в Большой Медведице, имеется семь движений, семь внутренних органов, семь климатических зон, и т. д., и т. п.»

Такие перечни можно составлять до бесконечности. При этом оказываются допустимыми всевозможные подгонки: в одном перечне будет сказано, что внутренних органов семь, в другом их окажется пять; ведь всё зависит от того, как и что считать. Кажется, что этот факт не вызывает особого смущения аритмологов, но даже наоборот: семь – это число внутренних органов, если их считать так-то и так-то, а если считать иначе, то получится пять, так что и семерка, и пятёрка окажутся важными для внутренней организации числами, – что, как писал по поводу *Теологумен* А. Ф. Лосев, «вызывает особый восторг».

2. Особые свойства отдельных чисел. Авторы античных аритмологических изысканий, включённых в *Теологумены*, уделяют большое внимание особым свойствам каждого числа в пределах десяти, отличающим его от всех прочих. Два – первое чётное, три – первое нечётное число, четыре – первое квадратное число, пять – сумма первого чёта и нечета, шесть – первое совершенное число, семь – сумма катетов в наименьшей пифагоровой тройке, восемь – первое кубическое число, девять – первый нечётный квадрат, десять – сумма чисел первой четвёрки, представляемая в виде треугольника. Некоторые из этих свойств представляются естественными, некоторые – надуманными. Ясно, что особые свойства первых чисел натурального ряда обнаруживаются без особых сложностей. Но можно себе представить, что некоторым своеобычием обладает каждое натуральное число, – правда, его не всегда просто будет найти.

В этой связи вспоминается известная история, которую Харди рассказал о замечательном индийском математике Рамануджане. Однажды Харди приехал к больному Рамануджану в такси с номером 1729. Харди это число показалось «скучным»: $1729 = 7^3 + 13^3 = 19^3$, и он сказал об этом Рамануджану. Но Рамануджан, оживившись, тут же возразил ему: «Нет, Харди, нет! Это очень интересное число, оно является наименьшим числом, представимым в виде суммы двух кубов двумя различными способами: $9^3 + 10^3 = 1^3 + 12^3 = 1729$ ». Литлвуд

заметил по этому поводу, что каждое натуральное число являлось личным другом Рамануджана.

3. Числа как символы. Огромным множеством символических значений обладают самые первые числа – единица, двойка, тройка.

Единицу именуют хаосом, первородной стихией Гесиода, из которой – всё прочее, как из единицы. Благодаря отсутствию в единице расчленённости и отдельности, присущей любым следующим за ней числам, она зовётся смешением и слиянием, темнотой и мраком... Пифагорейцы называли единицу умом, уподобляя её одному; а среди добродетелей они уподобляли её здравомыслию, ведь правильное – одно. Они называли её также сущностью, причиной истины, простым, образцом, порядком, созвучием; для увеличения и уменьшения – равным, для усиления и ослабления – средним, во множествах – умеренным, во времени – настоящим; её называли также кораблём, колесницей, другом, жизнью, счастьем.

Двойка – это материя и рождение, тройка – гармония и единомыслие, четвёрка – равенство, пятёрка – символ супружества, потому что она соединяет мужское нечётное и женское чётное, а также символ справедливости. Но шестёрка также символизирует супружество, ведь если пятёрка соединяет 2 и 3 сложением, то шестёрка – умножением. А перечислять все числовые символы – значит пересказать *Теологумены* от начала до конца.

4. Связь чисел и традиционных богов. Числа вечны и неизменны, как боги. Числа стоят над миром, и правят им, как боги. Поэтому возникает стремление установить связь между числами и отдельными богами.

Никомах говорит, что единице соответствует бог, семенным образом начинающий всё, что только имеется в природе, как единица начинает всё, что только имеется в числе. Бог охватывает в возможности вещи, в действительности представляющиеся противоположными по всякой противоположности, равно как единица в силу своей особенной неизреченной природы проявляет себя, как показано во *Введении в арифметику*, во всех видах числа. Бог вбирает в себя начало, середину и конец целого, независимо от того, мыслим ли мы составление через взаимосвязь или через присоединение, – равно как единица есть начало, середина и конец количества и размера, притом для всякого качества. Поскольку без неё нет составления чего бы то ни было, без неё нет никакого познания, и она стоит во главе вещей наподобие чистого света, солнцевидного и предводительного. Так что во всём этом она уподобляется богу, и более всего – в своём качестве скрепляющего и составляющего начала много-смешанных и разнообразных вещей, равно как и бог гармонически соединил вселенную из противоположностей. Единица сама себя порождает и от самой себя рождается как самосовершенная, безначальная и бесконечная, представляясь причиной постоянства, подобно тому как бог в своём природном действии мыслится сохраняющим и блюдушим разные природы.

Это – изощрённое философское богословствование в стиле Платона. Но есть и более простые сопоставления. Из великого множества не всегда понятных сопоставлений выберем самое яркое: семёрка – это Афина, потому что она одна в пределах десятки не рождена никаким числом и не рождает никакого

число. Ещё одно сопоставление – божественное супружество, соединяющее единицу-Зевса и девятку-Геру в полноте космической десятки.

5. «Народная этимология». Сближение слов по схожести из звучания знакомо читателям Платона по диалогу *Кратил*. Встречаются такие объяснения и в *Теологуменах*. «Тройку называют благочестием, по каковой причине она и получила имя тройки от слова *τρεῖν* (дрожать), то есть опасаться и быть осторожным». «А из числа Муз восьмёрку называют именем Евтерпы, потому что она самая изворотливая (*εὐτρεπτος*) внутри десятки, по природе имея чётно-чётную сущность вплоть до неделимой единицы».

6. Гематрия – числовая магия алфавита. В ионической системе числовой нумерации каждая буква обладает определённым числовым значением. Идея гематрии состоит в том, что каждому слову ставится в соответствие сумма числовых значений букв, это слово составляющих. Далее можно сопоставлять слова, искать «имя зверя» или делать какие-либо иные выводы. Немногочисленные рассуждения такого рода имеются и в *Теологуменах*. «Суммой своего имени единица являет некую общность с Солнцем: ведь имя *μονάς* в сумме даёт 361, что равно числу частей круга зодиака». «Имя *κόσμος* при подсчёте даёт шестьсот».

7. Фрагменты «пифагорействующих» трактатов специального содержания. Таких фрагментов в *Теологуменах* можно усмотреть по крайней мере два.

Во-первых, это некий «логос о справедливости», пересказываемый в разделе, посвящённом пятёрке. Понятие справедливости иллюстрируется схемой рычага, нагруженного равноотстоящими грузами 1 2 3 4 5 6 7 8 9 и подпёртого в середине, то есть в пятёрке. Грузы по одну сторону от пятёрки находятся в недостатке, по другую – в избытке. «И как одинаково связаны несправедливостью обиженный и обидчик, так в одинаковом неравенстве состоят большее и меньшее, ведь несправедливости сходно причастны обидчик и обиженный».

Эти же девять чисел расставляются в квадрате таким образом, чтобы в середине стояла пятёрка, а числа на любой проходящей через середину линии в сумме давали 15. «Таким образом, понятие и природа справедливости проявляются в равно-равном числе, то есть в квадратном, причём в чётном середина напрямую лишена своей доли, а в нечётном ясно видна, так что нечётные числа опознаются в своём основании и как бы семени».

Все эти рассуждения, по моему мнению, могут быть взяты из какого-то старинного «пифагорействующего» трактата. Сочинения с названием *О справедливости* (*Περὶ δικαιοσύνης*) имелись у Спевсиппа, Ксенократа, Аристотеля, Стратона, Гераклида, Антисфена, Хрисиппа и других авторов.

Вторым текстом специального содержания внутри *Теологумен* является входящий в раздел о семёрке «трактат о периодичности лихорадок». К сожалению, его текст в части, посвящённой полуторядневым лихорадкам, изобилует многочисленными неувязками, возникшими скорее всего при последующем пересказе. Идея этого трактата состоит в переносе пифагорейского учения о музыкальной гармонии на другой материал. В музыке колебания квинты,

кварты и октавы укладываются в общей мере времени; автор трактата о лихорадках пытается подвести аналогичную теоретическую базу под опытные факты, касающиеся периодичности различных лихорадок. Правда, никакого нового знания он при этом не получает; но чтобы убедиться в тупиковости того или иного мыслительного хода, иногда полезно по этому ходу пройти.

8. Соединение фундаментальных античных философских идей. Как осуществляется это соединение, можно видеть в первую очередь в первой части, посвящённой единице. Образ единицы как идеи идей, «стоящей во главе вещей наподобие чистого света», восходит к *Государству* Платона. Когда единица мыслится как возможность различных числовых рядов, разворачивающихся в действительности, сама категориальная пара «возможность – действительность» заимствуется из философии Аристотеля. Сравнение единицы с космическим семенным логосом, начинающим всё, что есть в природе, отсылает к философии стоиков.

О ПЕРЕВОДЕ

Первый русский перевод *Теологумен арифметики*, выполненный В. В. Бибихиным, был опубликован в качестве приложения к 7-му тому *Истории античной эстетики* А. Ф. Лосева. Этот перевод охватывал числа от 1 до 4, а также число 10 – то есть примерно половину текста. Я сверил перевод Бибихина с оригиналом, что-то в нём поменял и уточнил, исправил некоторые неточности, учёл переводы других неопифагорейских сочинений, – а также перевёл остальное. Стремясь к простоте речи, я отказался от того, чтобы говорить о «триаде», «пентаде», «декаде» и т. п., а стал говорить просто о «тройке», «пятерке», «десятке». Перевод выполнен по изданию [Iamblich] *Theologoumena arithmeticae*, ed. V. de Falco, corr. U. Klein. Leipzig: Teubner, 1975².

ТЕОЛОГУМЕНЫ АРИФМЕТИКИ

ПЕРЕВОД: В. В. БИБИХИН (1–4, 10), А. И. ЩЕТНИКОВ (5–9).

ОБЩАЯ РЕДАКЦИЯ И КОММЕНТАРИИ: А. И. ЩЕТНИКОВ

О ЕДИНИЦЕ

Единица ($\mu\omicron\nu\acute{\alpha}\varsigma$) – это начало числа, не имеющее положения.¹ Она называется единицей от $\tau\acute{o}$ $\mu\acute{\epsilon}\nu\epsilon\iota\nu$ (быть неизменным): ведь единица в произведении с каким-либо числом сохраняет тот же вид ($\epsilon\acute{\iota}\delta\omicron\varsigma$); так единожды три – три, единожды четыре – четыре: очевидно, что единица, перейдя на эти числа, сохранила тот же вид и не произвела другого числа. Всё образуется единицей, которая всё объемлет в возможности ($\delta\upsilon\nu\acute{\alpha}\mu\epsilon\iota$). Если не в действительности ($\acute{\epsilon}\nu\epsilon\rho\upsilon\epsilon\acute{\iota}\varsigma$),² то по крайней мере семенным образом ($\sigma\pi\epsilon\rho\mu\alpha\tau\iota\kappa\acute{\omega}\varsigma$) она содержит все логосы,³ заключенные во всех числах, а также в двойке; так что она по своей сути и чётная, и нечётная, и чётно-нечётная;⁴ и линия, и поверхность, и тело – кубическое и сферическое. Она – все пирамиды от тетраэдра до бесконечноугольной. Она и совершенная, и избыточная, и недостаточная,⁵ и пропорциональная, и гармоническая, и первичная и несоставная, и вторичная,⁶ и диагональная, и сторонняя,⁷ и начинающая в равенстве и неравенстве все сопряжения ($\sigma\chi\acute{\epsilon}\sigma\iota\varsigma$),⁸ как показано во *Введении*.

Будучи сверх всего сказанного точкой и углом во всех видах угла, единица представляется началом, серединой и концом всего. Со стороны (2) уменьшения она оказывается границей бесконечного деления непрерывного, а со сто-

¹ В отличие от точки, которая так же, как единица, не имеет частей, но положение имеет.

² Понятийная пара возможности и действительности была введена в философию Аристотелем (см. *Метафизика* Θ).

³ Семенной логос – одно из базовых понятий философии Древней Стои (см. SVF I 85, 87, 98, 102, 497; II 413, 453, 499, 744).

⁴ Единица служит началом последовательности чётно-нечётных чисел 2, 4, 8, 16, 32 – и сама по сопричастности этой последовательности мыслится античными математиками чётной.

⁵ Совершенное число равно сумме своих мер, избыточное – меньше этой суммы, недостаточное – больше. См. Никомах из Герасы, *Введение в арифметику* I, 14–16.

⁶ Первичные и несоставные – это наши простые числа, не имеющие никаких делителей, кроме самого себя и единицы; вторичные – наши составные числа.

⁷ О диагональных и сторонних числах см. Теон Смирнский, 42₁₀–44₁₇.

⁸ Об алгоритме разворачивания всех рациональных отношений из отношения равенства см. Никомах, *Введение в арифметику* I, 23 – II, 2.

роны увеличения – границей подобного же пошагового нарастания; и это установлено не нами, но божественной природой.

Благодаря единице каждая часть соразмерно согласуется с целым и окружает его, как показано на лямбдообразном чертеже в начале *Арифметики*. Поэтому как двойное по длине будет в степени (δυνάμει) четырёхкратным,⁹ телесно же – восьмикратным, а тройное по длине будет в степени девятикратным, телесно же – двадцатисемикратным, и так для всех по порядку чисел, так и в частях половина по длине будет в степени четвёртой частью, телесно же – восьмой, а треть по длине – в степени девятой, телесно – двадцать седьмой. И для всех по порядку чисел всякая совокупность множества и всякая часть деления образуют свой вид через единицу: один десяток, одна тысяча; и обратно, одна десятая и одна тысячная, и так все части до бесконечности. По виду это всюду одна и та же единица, по величине же – всё новая и новая. Она порождает саму себя из самой себя, подобно космическому логосу и природе сущего, всё сохраняя и ничему не давая распасться. Она одна среди прочего наилучшим образом способна выражать, уподобляясь всеобщему спасительному промыслу, божественный логос, и полнее всего отождествляться с ним, поскольку она к нему наиболее близка. И она является идеей идей, пребывая в творце как творчество, а в мыслителе – как мышление. Это видно на примере дружбы противоположных (3) гетеромекных и квадратных чисел.¹⁰

И Никомах говорит, что единице соответствует бог, семенным образом начинающий всё, что только имеется в природе, как единица начинает всё, что только имеется в числе. Бог охватывает в возможности вещи, в действительности представляющиеся противоположными по всякой противоположности, равно как единица в силу своей особенной неизреченной природы проявляет себя, как показано во *Введении в арифметику*, во всех видах числа. Бог вбирает в себя начало, середину и конец целого, независимо от того, мыслим ли мы составление через взаимосвязь или через присоединение, – равно как единица есть начало, середина и конец количества и размера, притом для всякого качества. Поскольку без неё нет составления чего бы то ни было, без неё нет никакого познания, и она стоит во главе вещей наподобие чистого света, солнцевидного и предводительного.¹¹ Так что во всём этом она уподобляется богу, и более всего – в своём качестве скрепляющего и составляющего начала многосмешанных и разнообразных вещей, равно как и бог гармонически соединил вселенную из противо-

⁹ Греки обычно говорили не «число в квадрате», но «число в степени», всегда подразумевая под этой «степенью» то, что мы называем «второй степенью».

¹⁰ Квадратные числа получаются сложением последовательных нечётных чисел, а гетеромекные – сложением последовательных чётных чисел.

Вот квадратные числа: 1 4 9 16 25 36 49...

А вот гетеромекные: 2 6 12 20 30 42...

И здесь всякое квадратное – среднее арифметическое своих гетеромекных соседей, а всякое гетеромекное – среднее геометрическое своих квадратных соседей.

¹¹ Парафраз VI книги *Государства* Платона.

положностей. Единица сама себя порождает и от самой себя рождается как самосовершенная, безначальная и бесконечная, представляясь причиною постоянства, подобно тому как бог в своём природном действии мыслится сохраняющим и блюдущим разные природы.

Единицу называют не только богом, но и умом, а ещё – мужеженской. Умом (4) её называют потому, что бог, главенствующий в творении мира и вообще во всяком искусстве и логосе, хотя и не проявляется в отдельных вещах целиком, в действительности является умом, будучи самотождественным и непеременимым благодаря знанию; и этим он подобен единице, которая всё охватывает в замысле, а в осуществлении она внедрена в виды сущего, в качестве некоего творческого логоса уподобляясь богу, не отклоняясь от своего логоса и не давая отклониться ничему другому, но пребывая поистине неизменной, как мойра Атропос.

Поэтому единицу называют творцом и ваятелем, когда имеют в виду её соединение и разъединение с математическими природами, от коих происходит образование тел, порождение живых существ и космическое устройство. По той же причине её мифически отождествляют с Прометеем, творцом жизни, ибо она «никоим образом не убегает вдаль» и, оставаясь неизменно единой, не покидает собственного логоса и не позволяет выйти ничему другому, наделяя всё своими свойствами: сколькими бы приращениями она ни увеличилась и как бы она их ни увеличивала, она не даёт им убежать вдаль и отпасть от её начального и их собственного логоса.

Как семя, единицу полагают во всём и мужской, и женской, и не только потому, что нечётное (5) мыслится мужским, будучи трудно делимым, чётное же женским, будучи легко делимым, тогда как она одна является и чётной, и нечётной, но также и потому, что она представлялась и отцом и матерью, обладая логосом материи и вида, творца и творения. Производя двойку, она разделяется на две части, ибо легче творцу найти себе материю, чем материи найти себе творца. Семя, способное производить в себе и женские и мужские существа, будучи посеяно, без различия производит обоюдную природу вплоть до определённой ступени развития; становясь же плодом и прорастая, оно, по мере перехода из возможности в действительность, начинает приобретать различие и изменяться в ту или другую сторону. Коль скоро в единице заключена возможность любого числа, она оказывается умопостигаемым числом в собственном смысле, не являясь ничем отдельным в действительности, однако сразу всем в замысле. Сообразно сказанному её называют материей и восприимницей за то, что она производит двойку, материю в собственном смысле, и вмещает в себя все логосы, во всём являясь производящей и наделяющей. Равным образом её именуют хаосом, первородной стихией Гесиода, из которой – всё прочее, как из единицы. Благодаря отсутствию в единице расчленённости и раздельности, присущей любым следующим за ней числам, она зовётся смешением и слиянием, темнотой и мраком.

Анатолий говорит, что единицу зовут родительницей и материей потому, что без неё нет никакого числа, и потому что начертание, означающее единицу, служит символом вселенского (6) первоначала; а суммой своего имени она являет некую общность с Солнцем: ведь имя $\mu\omicron\nu\alpha\varsigma$ в сумме дает 361,¹² что равно числу частей круга зодиака.

Пифагорейцы называли единицу умом, уподобляя её одному; а среди добродетелей они уподобляли её здравомыслию,¹³ ведь правильное – одно. Они называли её также сущностью, причиной истины, простым, образцом, порядком, созвучием; для увеличения и уменьшения – равным, для усиления и ослабления – средним, во множествах – умеренным, во времени – настоящим; её называли также кораблём, колесницей, другом, жизнью, счастьем.

Ещё они говорят, что в середине четырёх стихий залегает некий единовидный огненный куб, срединное положение которого якобы известно и Гомеру, который говорит: «Вниз от Аида, насколько земля от небесного свода».¹⁴ Пифагорейцам здесь следуют, как видно, ученики Эмпедокла и Парменида, равно как почти все древние мудрецы, согласно которым в середине водружена единичная природа наподобие Гестии, сохраняющая своё место благодаря равновесию. Недаром Еврипид, который был учеником Анаксагора, так упоминает Землю: «У смертных мудрецов она зовется Гестией».¹⁵

Ещё (7) пифагорейцы говорят, что через единицу у Пифагора составилась его прямоугольный треугольник, когда он усмотрел заключённые в нем числа.¹⁶

А материю пифагорейцы сближают с двойкой, ведь материя – начало инаковости в природе, а двойка – в числе, и как материя сама по себе неопределенна и бесформенна, так и двойка – единственная из всех чисел – не образует фигуры, почему, естественно, она и может называться неопределённой двоицей: ведь первая в действительности фигура создаётся по меньшей мере тремя углами или тремя прямыми, хотя в возможности уже единица такова.

Не без основания они называли единицу ещё и Протеем, египетским героем со многими обличиями, соединяющим в себе свойства всех людей, подобно тому, как единица соучаствует в создании каждого отдельного числа.

¹² Имеется в виду сумма числовых значений букв: $\mu = 40$, $\omicron = 70$, $\nu = 50$, $\alpha = 1$, $\sigma = 200$.

¹³ Платон обсуждает в *Государстве* (427e) четыре основные добродетели в следующем порядке: мудрость ($\sigma\phi\iota\alpha$), мужество ($\alpha\nu\delta\rho\epsilon\iota\alpha$), благоразумие ($\sigma\omega\phi\rho\sigma\upsilon\nu\eta$), справедливость ($\delta\iota\kappa\alpha\iota\sigma\upsilon\nu\eta$). Здравомыслие ($\phi\rho\acute{\nu}\nu\eta\sigma\iota\varsigma$) как первая добродетель у пифагорейцев соответствует мудрости у Платона.

¹⁴ Гомер, *Илиада* I, 16.

¹⁵ Еврипид, fr. 944.

¹⁶ Имеется в виду пифагорово правило составления целочисленных прямоугольных треугольников, у которых один из катетов на единицу меньше гипотенузы.

О ДВОЙКЕ

Анатолий

Двойка (δύας) порождает равное при сложении с собой и при умножении на себя. Ведь её сложение с собой и умножение на себя производит одно и то же (то есть 4), тогда как у всех прочих чисел произведение больше суммы.

Среди добродетелей её уподобляли мужеству,¹⁷ ибо она как бы уже перешла к делу; оттого её называли также дерзанием и порывом. Её именовали ещё и мнением, поскольку во мнении есть нечто истинное, (8) как и нечто ложное. Ещё её называли движением, порождением, изменением, разделением, длиной, распространением, сложением, общением, соотношением (τὸ πρὸς τι), отношением в пропорции: ведь сопряжение (συχέσις) двух чисел проходит по всем фигурам, и поистине только она одна непричастна фигуре, не поддаваясь никакому определению ни в трёх членах, ни в пропорции.

Двойка в сравнении со всеми прочими числовыми членами враждебна и более всего противоположна единице, как материя – богу и тело – бестелесному. Она – начало и основание инаковости числа, по подобию материи; и она словно противостоит божественной природе, поскольку её считают причиной распада и изменения вещей, бога же – причиной тождества и нерушимого постоянства. Каждая вещь в отдельности и космос в целом едины благодаря пребыванию в них природной и образующей единицы; с другой стороны, каждая вещь делима, поскольку она необходимо приобщилась и к материальной двойке. Поэтому результатом их первого сочетания будет первое определённое множество, элемент сущего, каковым является треугольник величин и чисел, телесных и бестелесных. Как подливаемая закваска свертывает молоко благодаря присущему ей свойству и действию, так единящая способность единицы, сочетаясь с двойкой, источником изобилия (9) и изливания, кладёт ей предел и даёт вид числа тройке. Тройка – действительное начало числа, определённого по составу единиц. Единица – начало числа в некотором смысле, двойка – по своему начальному виду. Она называется двойкой от διέναι (происходить) и διαπореύεσθαι (переходить), ведь она первой отделилась от единицы, почему и именуется дерзанием; если единица являет собой единение, то примыкающая к ней двойка являет собой разделение.

И двойка начинает соотносённость сопряжений либо своим отношением к единице, а оно двойное, либо своим отношением к стоящему за ней, а оно полуторное. Это – корень бесконечно простирающихся в обе стороны отношений, кратных и сверхчастных.

Двойка – элемент вселенского устройства, противоположный единице и потому гармонически с ней сочетающийся, как материя с видом. Началом бытия, причём вечного бытия, является вид, а всего противоположного – материя.

¹⁷ Вторая добродетель у Платона.

Поэтому причиной равных, тождественных и устойчивых чисел, то есть квадратов, является единица; и не только потому, что на неё как на гномон налагаются производные числа нечётного вида, когда они при накоплении образуют непрерывно и до бесконечности возрастающие квадраты, но также и потому, что каждая сторона, обращаясь от стартовой единицы к финишной, в результате сложения прямого и обратного пути, начиная от неё самой, снова даёт квадрат.¹⁸ Напротив, причиной всех неравных, то есть гетеромекных чисел, является двойка; и не только потому, что на неё как на гномон налагаются производные числа чётного вида, так что получающаяся при накоплении последовательность тоже состоит из чётных чисел, но также и потому, что в том же подобии (10) старта, поворота и финиша единица всё так же представляется порождающим началом, будучи причиной тождества и вообще постоянства, распадение же и возвращение в изменённом по сравнению с первыми числами порядке опирается на двойку как на материальную основу и восприимницу всякого распада.¹⁹

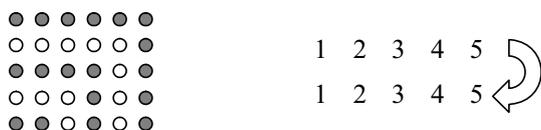
Двойка является промежуточной ступенью между множеством, мыслимым в тройке, и противоположным множеству началом, мыслимым в единице. Поэтому она обладает свойствами как того, так и другого. В самом деле, свойство единицы как начала – производить при сложении больше, чем при умножении: один да один больше, чем единожды один. С другой стороны, свойство всякого множества как некоего итога – это, наоборот, производить при умножении больше, чем при сложении, ведь оно уже не имеет природы начала, но отныне числа порождаются друг из друга и путем смешения; поэтому трижды три больше, чем три да три. И, тогда как оба они обладают противоположными свойствами, двойка, будучи как бы серединой и принимая свойства обоих, встаёт посередине между тем и другим. Ведь серединою большего и меньшего мы называем равенство; но лишь в одной двойке имеется равенство, поскольку и при сложении, и при умножении из неё получается равное: два и (11) два равны дважды двум. Потому её и называют равной.

При этом двойка вызывает то же самое свойство и во всех порождаемых ею числах, и это видно по тому, что она впервые действительно даёт выражение равенства в плоском и телесном, причём не только в дважды двух по длине и

¹⁸ Схема наложения гномонов и схема двойного бега для квадратного числа:

¹⁹ Схема наложения гномонов и схема двойного бега для гетеромекного числа:

ширине, но также и в восьми по глубине и высоте, когда оно делится на две равные между собой единицы, а также в образуемой из неё так называемой развертке (ἐξελκτός), то есть в 16, в дважды двух, взятых дважды и ещё дважды, и имеющих в качестве так называемой поверхности (χροιά) плоскость. Ведь это – четырежды четыре, и оно некоторым образом является серединой между большим и меньшим, как и двойка: у предшествующих квадратов периметр больше площади, а у последующих – меньше, и только у него равен. Видимо, поэтому Платон в *Тезете*, дойдя до него, остановился на семнадцати, тем самым показывая свойство семнадцати, также причастное к некоему равенству.²⁰

Что же в таком случае имели в виду древние, когда называли двойку неравной, недостатком и избытком? Они называли её так в связи с понятием материи, коль скоро в двойке впервые обнаруживается отпадение и понятие стороны, явное начало различия и неравенства; и ещё потому, что в сопоставлении она больше тех, что до неё, а четвёрка (12) меньше тех, что до неё, в середине же между ними находится тройка, и на неё неким образом выпадает отношение равенства с тем, что до неё. В самом деле, два больше предыдущего, то есть единицы, по коренному сопряжению большего; 4 меньше $1 + 2 + 3$ по коренному сопряжению меньшего; а 3 равно $1 + 2$ по нераздельному равенству. Так что двойке как стороне соответствует большее, а её степени как поверхности соответствует меньшее.

Недостатком, избытком, материей двойка зовётся по той же самой причине, по какой её именуют неопределенной двоицей, ибо сама по себе она лишена какой бы то ни было формы, вида и определения, чтобы её можно было бы ограничить или определить посредством рассуждения и искусства.

Двойка представляется бесформенной, коль скоро от треугольника и тройки начинаются действительные многоугольники вплоть до бесконечности, и от единицы в возможности начинаются все числа; два же ни из прямых, ни из углов не составляет прямолинейной фигуры, так что неопределённость и бесформенность имеется только в ней.

Представляется она и беспредельным, коль скоро является иным; иное же, начинаясь от единицы, отпадает в беспредельное. Её можно назвать также и производящей беспредельное, потому что в двойке – первое изображение длины, если считать от точки, какою является единица, а длина и делится и возрастает до бесконечности. И природа неравенства начинается и уходит в беспредельное из противопоставления двойки единице: их разделение есть первое разделение (13) большего и меньшего.

Ни числом, ни чётным числом двойка в действительности не является. В самом деле, всякое чётное число может быть разделено как на равные, так и

²⁰ Причина здесь совсем в другом, а именно в том, что для числа 17 впервые не проходит старинный способ доказательства несоизмеримости стороны квадрата соответствующей площади с единицей, основанный на методе чётных и нечётных чисел. Отсюда видно, что автору *Теологумен*, равно как и его непосредственному источнику, этот способ уже не был известен.

на неравные части, двойка же не делится на неравные части, а будучи разделена на равные части, сразу же имеет их неизвестно какого рода, оказываясь тем самым начальной сущностью.

Говорят, что двойку именуют также и Эрато: привлекая к себе любовью (δι' ἔρωτα) исхождение единицы как вида, двойка рождает в результате остальные числа, начиная от тройки и четвёрки. Считают, что от этого своего дерзновения двойка первая, претерпев разделение, получила имя несчастья (δύη), выдержки и стойкости; а от разделения надвое – имя правосудия (δική), то есть как бы раздвоения (δίχη), и Исиды, и не только потому, что результат умножения её на саму себя равен результату сложения её с самою собой, как мы уже сказали, но также и потому, что она единственная не допускает деления на неравные части.

Называют её и природой, потому что она есть движение к бытию и как бы некое рождение и выхождение из семенного логоса. Она получила это название, поскольку то или иное движение от одного к другому совершается по образу двойки.

Некоторые, ошибочно представляя себе двойку вторичным числом, считают, что она является суммой двух единиц, что при распадении опять-таки сводится к тем же двум единицам. Но если двойка есть сумма единиц, то эти единицы будут прежде неё (14) по происхождению; если единица есть половина двойки, то двойка должна быть первичной; а если мы хотим спасти сопряжение единицы и двойки между собой, они необходимо должны существовать вместе в качестве двойной половины и половины двойного, и ни одна из них не будет ни первой, ни последней как приносящее и принесённое, уничтожающее и уничтожимое.

Двойку называли и διομήτηρ как мать Зевса (Зевсом же считали единицу), а также Реей от её текучести (ρύσις) и протяжённости, каковы свойства присуши как двойке, так и природе всеобщего порождения. Считается, что имя двойки приличествует Луне, поскольку из всех планет с ней случается всего более закатов (δύσις), и поскольку она раздвоилась и разделилась: ведь её называют половинной и раздвоенной.

О ТРОЙКЕ

Тройка (τριάς) в сравнении со всеми остальными числами обладает исключительной красотой и благолепием. Прежде всего, она первая в действительности явила возможности единицы: нечётность, совершенство, пропорцию, единство, предел. В самом деле, 3 – первое действительно нечётное (περίσσος) число, сообразно названию «более чем равное» (περίϊσος), то есть в другой своей части имеющее нечто большее, нежели равное.

Исключительность тройки в том, что она является суммой двух начальных чисел и суммой их обоих. И она совершенна в совсем особом смысле, нежели

прочие числа. Числа, начиная от единицы и до четвёрки, оказываются соответственно равными: единице, (15) тройке, шестёрке и десятке; и единица, в качестве основы, равна единице, тройка – единице и двойке, шестёрка – единице, двойке и тройке, а десятка – единице, двойке, тройке и четвёрке. И вот оказывается, что у тройки есть нечто большее ввиду того, что она следует сразу за числами, которым она равна.

Ввиду этого её назвали серединой и пропорцией, – не только потому, что она первой из чисел заняла срединное положение и единственная составляет само по себе равенство с предшествующими ей, но и потому, что по образу родового равенства, которое является серединой между видовыми неравенствами большего и меньшего, тройка тоже стоит посредине между меньшим и большим, обладая соразмерной природой: стоящая до неё 2 больше предшествующей ей 1, будучи корнем базового сопряжения большего с меньшим (то есть двукратного); стоящее после неё 4 меньше предшествующих ему ($1 + 2 + 3 = 6$), являясь по отношению к нему первым видом первичного отношения меньшего к большему (то есть подполупорного); тройка же между этими двумя равна сумме предшествующих ей чисел ($1 + 2 = 3$). Так, она является производителем вида средних в прочих числах. И через неё возникают три так называемых прямых средних – арифметическое, геометрическое и гармоническое, три противоположных им, а в каждом из них – три предела и три интервала, для каждого (16) – интервалы от малого до среднего, от среднего до большого и от малого до большого; затем, согласно сказанному, три равночисленных в порядке первых членов и три обратных последовательных от большого до малого, от большого до среднего и от среднего до малого.

Единица содержит в себе логос всякого числа, ещё неоформленный и нерасчленённый, словно в семени. Двойка есть краткое продвижение к числу, однако ещё неполное ввиду её близости к началу. Лишь тройка делает возможность единицы действительной и вышедшей наружу. Далее, единице соответствует тождественное, двойке – обоюдное, тройке – каждое и всё. Недаром мы пользуемся ей для выражения множества, говоря «три тьмы» вместо «много раз по многу», и «трижды счастливые». И призывание мёртвых по обычаю мы совершаем трижды. И ещё: всякое сущее имеет в природной последовательности три предела – начало, расцвет и завершение, как бы две границы и одну середину; и два интервала, рост и угасание. Так что природа двойки, то есть обоюдное, находит выражение в тройке через её пределы.

Тройка называется благим советом и здравомыслием (φρόνησις),²¹ которые присущи людям, успешным в настоящем, предвидящим будущее и приобретшим опыт прошлого: здравомыслие взирает на три части времени. Отсюда и познание сообразно тройке. Тройку называют благочестием, по каковой при-

²¹ Выше здравомыслием уже была названа единица. Третья добродетель у Платона называется благоразумием (σωφροσύνη).

чине она и получила имя тройки (17) от слова *треїв* (дрожать), то есть опасаться и быть осторожным.

Анатолий

Некоторые называют три первым совершенным нечётным числом, поскольку оно первым знаменует всё целиком: начало, середину и конец. Обозначая тройкой исключительное, говорят о трижды счастливых и трижды блаженных. Молитвы и возлияния совершаются трижды. Тройка есть образ плоскости и первая основа треугольников, ибо их три вида: равносторонний, равнобедренный и разносторонний. Прямолинейных углов тоже три: острый, тупой и прямой. Частей времени три. Из добродетелей тройку уподобляют благоразумию, поскольку она соразмерно расположена между избытком и недостатком. Кроме того, тройка из единицы, двойки и самой себя образует при сложении шесть, первое совершенное число.

Теологумены Никомаха

Тройка есть действительное начало числа, определяемого сложением единиц. Двойка из-за своего начального вида некоторым образом является единицей, а тройка – первая сумма единицы и двойки. Она первая из всех обладает концом, серединой и началом, благодаря чему достигается всякая полнота завершенности. Тройка – образ всеобщего завершения (18) и истинное число, она придаёт всему равенство и избавляет от избытка и недостатка, определяя материю и оформляя её возможностями всех качеств. Исключительная особенность числа три по сравнению со всеми другими числами – равенство предшествующим ему числам. Трижды возливают и трижды повторяют жертву желающие, чтобы бог исполнил их молитвы. Трижды блаженными, трижды божественными и трижды счастливыми, равно как и трижды обладающими противоположными качествами, называем мы тех, у которых всё это есть как бы в совершенстве. Тройка получила такое имя за то, что она – неистребимая и неустанная, каковою она считается ввиду своей неспособности делиться на две равные части.

Тройка есть первое множество. В самом деле, мы говорим о единственном и двойственном, но уже не говорим о тройственном, а прямо о множественном. Троичность распространяется и на природу числа. Есть три вида нечётного числа: первичный и несоставной, вторичный и составной, а также смешанный: по отношению к себе – вторичный, по отношению к другому – первичный. И ещё, число бывает избыточным, недостаточным и совершенным. А если сказать одним словом, то всякое соотношение по количеству бывает большим, меньшим и равным.

Тройка также состоит в ближайшем родстве с геометрией. Среди плоскостей самым первым элементом является треугольник со своими тремя вида-

ми – остроугольным, тупоугольным и разносторонним.²² Три облика у луны: растущая, полная и убывающая. (19) Три вида аномалий: обгон, противоход, лежащая между ними остановка. Три круга определяют ширину зодиака: летний, зимний и лежащий посреди между ними, так называемый эклиптический. И живых существ – три вида: сухопутные, летающие, водные. Богословы говорят о трех Мойрах, коль скоро всякое взаимодействие между божественным и смертным охватывается расходом, принятием и, в-третьих, возвращением: жители эфира неким образом сеют, земные создания как бы приемлют, а возвращение совершается через находящихся посреди, равно как рождение происходит между мужем и женою. К этому и из Гомера можно добавить: «На три мы всё поделили».²³ И добродетели тоже расположены между двумя пороками, противоположными как друг другу, так и добродетели. И речение добавляет, что добродетели, сообразно единице, суть нечто определённое, известное и рассудительное, – «ведь среднее одно»; а пороки, сообразно двойке, суть нечто неопределённое, неизвестное и безрассудное.

Кроме того, тройку именуют дружбой, миром, а также гармонией и единомыслием: ведь всё это сближает и соединяет противоположное и несходное. Поэтому её называют ещё и супружеством. И возрастов тоже три.

О ЧЕТВЕРКЕ

(20) Естественное приращение до четвёрки (тетра́с), по-видимому, заключает в себе всё, что есть в космосе, вообще и по частям, и в числе, во всякой простой природе. Исключительным и наиболее способствующим гармоничности результата является то, что во главе с ней сумма предшествующих ей чисел даёт десятку, которая есть соединённые вершинами гномоны и главенствующая связь; а также то, что четвёрка охватила собою образование тела, то есть три протяжения вплоть до их предела. В самом деле, наименьшее и первоявленное тело, пирамиду, мы видим в четвёрке углов или плоскостей, подобно тому как чувственно воспринимаемое тело из материи и эйдоса имеет три протяжения и заключено в четырёх пределах.

Надёжное постижение и научное познание истины сущего наилучшим и самым верным способом совершается также через четыре науки. А именно: если всё вообще сущее в своем приращении и возрастании объёмлется количеством, а в своей цельности и взаимосвязанности – величиною, причем в количестве оно мыслится либо само по себе, либо в отношении к иному, а в величине – либо покоящимся, либо движущимся, то и всякое постижение в любом частном случае

²² По-видимому, оговорка: если классифицировать по углам, третий вид будет прямоугольным, а если классифицировать по сторонам, то первые два вида будут разносторонним и равнобедренным.

²³ Гомер, *Илиада* XV, 189.

осуществляет какой-либо один из четырёх научных методов: количество вообще и количество в собственном смысле постигает арифметика, количество в отношении к другому – музыка; величину вообще и покоящуюся величину – геометрия, величину движущуюся и упорядоченно изменяющуюся (21) – сферика.

Если же число есть образ сущего, а корни и как бы элементы числа – это пределы вплоть до четвёрки, то в этих последних должны заключаться названные свойства и изображения всех четырёх наук: арифметики – в единице, музыки – в двойке, геометрии – в тройке, сферики – в четвёрке; подобно тому как Пифагор в открытом сочинении *О богах* определяет: «Четыре ступени у мудрости: арифметика, музыка, геометрия, сферика, в порядке 1 2 3 4». Клиний из Тарента²⁴ говорит: «Покоясь, они породили и арифметику и геометрию, придя в движение – гармонию и астрономию».

Арифметика по справедливости рассматривается в связи с единицей: она сосредоточивает в себе другие науки и приводит в них, но не наоборот, являясь первою из них по рождению и их матерью, каковым представляется и положение единицы по отношению к последующим числам. В единице, как в семени, мы впервые видим всякий вид, всякое свойство и всякое следствие: ведь единица есть некоторое количество, рассматриваемое в себе самом, совершенно полное в себе и поистине определяющее; а вкупе с иным ничто не могло бы быть единым.

Что касается двойки, в ней заключено первое понятие инаковости, (22) а музыка представляется как бы отношением к иному, каждый раз будучи неким сопряжением и гармонией неподобных и различных.

С тройкой связана геометрия, и не только потому, что она занимается имеющим три протяжения с его частями и видами, но также и потому, что свойство этого учителя – всегда именовать поверхности, называемые также оболочками и составляющие геометрию, поскольку геометрия прежде всего возникает в плоском, а самая элементарная плоская фигура очерчивается тройкой углов или сторон. На ней, как на некоем основании, как бы соединившемся с какой-либо точкой глубины, возникает пирамида, самая элементарная среди телесных фигур, охватываемая в свою очередь по меньшей мере четырьмя углами или линиями и укладывающаяся в три равных протяжения, свех которых в природе тела ничего уже нет.

А сферикку связывают с четвёркой. Поистине сфера есть самое совершенное из всех тел, по природе наиболее способное охватывать их все и превосходящее их мириадами других свойств, будучи некоей совокупностью четырёх сущностей: центра, диаметра, окружности и поверхности, то есть оттиска.

Коль скоро четвёрка такова, мужи клялись через неё Пифагором, удивляясь ему и восхваляя его открытие, вот и Эмпедокл где-то говорит:

«Нет, клянусь передавшим нашей душе четверицу,
Вечнотекущей природы исток и корень в себе содержащу».

²⁴ Член пифагорейского союза, современник Платона (DK 54).

(23) Под вечнотекущей природой они имели в виду десятку, которая является как бы вечной и бессмертной природой всех видов, и благодаря которой всё в космосе достигло полноты и обрело гармоничный и прекраснейший предел. Корни её – это числа вплоть до четвёрки, 1 2 3 4. Они суть пределы и как бы некие начала свойств числа: единица – тождественного и мыслимого само по себе; двойка – иного и всегда отнесенного к другому; тройка – каждого в отдельности и действительно нечётного; четвёрка – действительно чётного. Ведь двойка неоднократно являлась нам как бы нечётной ввиду своей изначальности; она не обладает свойствами чётного числа в чистом виде и не подразделяется.²⁵

В первой четвёрке достигается наименьшее и в высшем смысле семенное образование тела, коль скоро элементарнейшим и мельчайшим из тел является огонь (πῦρ), фигура которого, по достоинству именуемая пирамидой (πυραμίδς), заключена лишь в четырёх основаниях и четырёх углах. Затем, как было сказано, у космоса, будь он вечное соединение или порождаемая система, имеются четыре начала: движущее (ὕψ' οὖ), материальное (ἔξ οὖ), формальное (δι' οὖ), и целевое (πρὸς οὖ);²⁶ бог есть и материя, и эйдос, и достигаемое завершение. Ясно, что четыре элемента (огонь, воздух, вода, земля) и их силы (жар, холод, влага, сухость) упорядочены в сущем сообразно природе четвёрки.

Сообразно четвёрке устроено и небо: на четырёх центрах, один из которых – над головой, другой (24) – на восходе, третий – прямо под землей, четвёртый – на закате. Потому и зодиак предстаёт состоящим из четырёх взаимосвязанных частей, притом иных по сравнению с четырьмя пределами (Арктикой, Антарктикой, Востоком и Западом), разделяясь по своему сферическому описанию на центр, ось, окружность и поверхность. Так называемых отрезков зодиака, вмещающих по 90 его частей, столько же. В них зодиак по эклиптике касается четырёх тропиков, расположенных пересекающимся образом по диаметру: летнего, зимнего и двух равноденствий. Общих движений, происходящих друг в друге и друг через друга и свойственных исключительно образом лишь космосу, тоже четыре: вперёд – через срединную линию неба на каждой широте, назад – [...], вверх – через линию восхождения над горизонтом, вниз – через линию заката. И так называемых времён года тоже четыре: весна, лето, осень и зима.

Пожалуй, имеются и четыре меры всеобщего движения, из коих величайшая и непрестанная названа вечностью, легко постижимая сама по себе и в понятии – временем, ещё более мелкая и неким образом доступная по природе нашему чувственному восприятию – порою (καιρός), а причастная кратчайшему промежутку и протяжению – часом. И иначе: год, месяц, ночь, день.

Аналогично полноту совокупного космоса составляют ангелы, демоны, живые существа, растения.

²⁵ Чётное число разделяется пополам на числа, а двойка – на единицы.

²⁶ Четыре причины, о которых Аристотель говорит в *Метафизике* В.

(25) Четырьмя способами различают и само движение: обгон, противоход и две остановки, первую и вторую.²⁷

И ещё, у живых существ мы наблюдаем четыре определённых органа чувств, поскольку осязание одинаково присутствует в каждом чувстве как его основа и оттого не имеет ни своего собственного места, ни органа.

И растения: деревья, кустарники, овощи и травы.

И четыре рода добродетели: первая – здравомыслие души, острота телесных чувств, удачливость во внешнем; вторая – благоразумие души, здоровье тела, добрая слава во внешнем; третья, в том же порядке – мужество, сила, власть; четвёртая – справедливость, красота, любовь.²⁸

И времён, как у года, у человека тоже четыре: дитя, юноша, муж, старик.

И ещё, элементарнейших свойств числа тоже четыре. Тожество – в единице, инаковость – в двойке, оболочка – в тройке, тело – в четвёрке.

И человек тоже делится на четыре: голову, торс, ноги и руки.

И четыре начала у разумного живого существа, как говорит Филолай в своём сочинении *О природе*, – мозг, сердце, пуп, срамной уд. «Мозг – начало ума, сердце – души и восприятия, пуп – укоренения в первом и восхождения к нему, срамной уд – семени, творения и порождения. Мозг – начало человека, сердце – начало жизни, пуп (26) – растительное начало, срамной уд – всего вместе, ибо всё от рождающего и растущего семени».

Далее, хотя в тройке появляется первое множество, однако невозможно помыслить нарастающую кучу без четвёрки, через которую и пирамида среди связанных друг с другом по природе обретает устойчивую фигуру устойчивого тела; куча есть распространение множества и нечто более сильное, нежели тройка.

В явном согласии с изречением Солона о «пришедшем к завершению долгой жизни»,²⁹ у поэта можно найти, что ещё живущих он называет лишь трижды блаженными и счастливыми, поскольку предстоящие им превратности и перемены ещё неясны, а умерших, твёрдо закрепивших за собой счастье и находящихся совершенно вне всякой возможности перемен, – четырежды блаженными. В самом деле, о живущем он говорит лишь: «Трижды блаженный Атрид»; а о тех, кто принял благородную смерть, – «Трижды и четырежды блаженны погибшие тогда данайцы».³⁰

²⁷ Астрономические термины, описывающие движение планет. Планета в своём движении может обгонять небо неподвижных звёзд либо отставать от него, и между этими двумя движениями имеются два переходных состояния.

²⁸ Четыре основные добродетели Платона – это мудрость (σοφία), мужество (ἀνδρεία), благоразумие (σωφροσύνη), справедливость (δικαιοσύνη). В этом же списке порядок основных добродетелей иной: здравомыслие (φρόνησις), благоразумие, мужество, справедливость.

²⁹ Геродот I, 32.

³⁰ Гомер, *Одиссея* V, 306.

Ибо таково естественное множество, способное создать кучу. Точно так же и видов совершенства четыре. Они соразмерны и соподчинены четырём совершенным числам, которые образуются внутри десятки, будучи равны суммам смежных чисел, начиная от единицы, в порядке их возрастания вплоть до четырёх.

Первый несоставной вид совершенства (27) являет единица благодаря тому, что она в возможности содержит в себе всё и не нуждается ни в чем, сама являясь для всего прочего причиной образования и возникновения, при всех изменениях различий. И если совершенный вид есть равное своим частям, единица же частей не имеет, но вся в целом равна самой себе, то и она может считаться совершенной.

Второй вид – равная единице и двойке и следующая за ними тройка. Она тоже есть совершенное число, поскольку у неё одной есть начало, середина и конец.

Третий вид – равная одному, двум и трем, но уже не следующая сразу за ними шестёрка. Она совершенна потому, что первая равна своим частям – половинной, третьей и шестой.

Четвертый вид – десятка, равная $1 + 2 + 3 + 4$, но ещё в меньшей степени следующая сразу за ними. Она обладает иным видом совершенства по сравнению с предыдущими: она – мера и совершенный предел всякого числа, и за ней уже нет ни одного природного числа, но все – повторные, повторяющиеся до бесконечности по причастности к ней. Соответственно четвёркой измеряется и само это различие совершенных чисел внутри десятки.

И нечего уже говорить, что благодаря этому величайшие и как бы совершеннейшие периоды, четвертичный и третичный, оказываются и наиболее благоприятными; наибольшим же и наиболее устойчивым, а потому неуничтожимым является четвертичный благодаря прочности числа четыре, наподобие пирамиды (28) закрепляющего всё в устойчивых основаниях. Недаром о Геракле, который был столь непоколебим, тоже говорят, что он родился в четвёртый день месяца. Квадраты, то есть как бы нечто непоколебимое для противных замыслов, – и у Гермеса, изображаемого таковым.³¹

А так как в середине между единицей и семёркой, кубическими местами, находится кубическое место 4, то, коль скоро семёрка является самой критической в протекании болезней, вполне ясно, почему врачи, например Гиппократ, считают четвёрку в некотором смысле вполне равной семёрке по своей действительности, – тем более что, будучи сложена с семёркой, она даёт на четвёртом месте десятку, представляющую четвёртое кубическое место.³²

Четвёрку называли эоловой природой, выражая пестроту её свойств. И поскольку устройство космоса не обошлось без четвёрки, её повсюду именовали

³¹ В виде квадратных столбов – так называемых герм.

³² В геометрической прогрессии, идущей целочисленным возрастанием от единицы, кубические числа стоят на 4, 7, 10, 13, 16 и т. д. местах; эти места и называются кубическими.

ключницей природы. Поэзия говорит, что Эол производит бурные ветры; он назван также Гиппотадом из-за стремительности движущих им звезд и из-за непрерывности его бега. Ведь Эол – это год, по пестроте его изменений.

И ещё, под стать этому понятию года четвёрку называют Гераклом, поскольку она представляет время – будь то век, время, пору, час; или год, месяц, ночь, день; или (29) утро, полдень, вечер, ночь.

Считают, что тетрада, то есть тетράδα (терпеливая), в которой λ изменено на ρ , значит «устойчивая», так же как её сторона есть первое расстояние от единицы: она стоит в основе всех протяжений, сверх которых других уже нет.

Пифагорейцы чтили её как родительницу десятки.

Она называется справедливостью, как говорит **Анатолий**, поскольку у её квадрата площадь равна периметру, тогда как у чисел до неё периметр больше площади квадрата, после неё – меньше, и лишь у четвёрки он равен площади.

Четвёрка первая явила природу тела: точка, затем линия; затем поверхность; затем объём, то есть тело. Четвёрка – первое чётно-чётное число; первое сверхтретье в первой гармонии кварты. И в ней всё равно: площадь, углы, стороны.

Климатических зон – четыре; точек – тоже четыре: восток, запад, (30) середина неба под землей и над землей; главных ветров – четыре.

Другие говорят, что целое упорядочено из четырёх: сущности, фигуры, эйдоса, логоса. Четвёрка заключает в себе логос не только тела, но и души: говорят, что она как устраивает в гармонии весь космос, так и одушевляет живое существо.

Считается, что совершенная гармония существует в трёх созвучиях: кварте в сверхтретьем отношении, квинте в полуторном и октаве в двойном. Коль скоро четыре первые числа – 1, 2, 3, 4, то идея души охвачена гармоническим отношением. В самом деле, 4 к 2 и 2 к 1 – двойное отношение, в нём заложено созвучие октавы; 3 к 2 – полуторное, охватывающее себя и половину, и в нём заложено созвучие квинты; 4 к 3 – сверхтретье, в нём заложено созвучие кварты. Если в числе 4 заложено всё, что есть в душе и теле, истинно и то, что в нём исполняются все созвучия.

О ПЯТЕРКЕ

Анатолий

Пятёрка (πεντάς) первая объемлет вид всякого числа, ибо 2 – это первое чётное число, а 3 – первое нечётное. И она зовётся супружеством, поскольку состоит из мужского и женского. Она служит (31) центром десятки. В квадрировании она всегда обрамляет себя, ведь пятью пять – 25, и при продолжении она вновь обрамляет и завершает квадрат целого, ведь пятью 25 – это 125.

Имеется пять равносторонних и равноугольных телесных фигур: пирамида, октаэдр, икосаэдр, куб, додекаэдр. Платон назвал их фигурой огня, воздуха, воды, земли, вселенной. И планет тоже пять, а шестое – Солнце и [седьмая] – Луна.

И квадрат на 5 впервые равен двум квадратам, одному на 3 и другому на 4.

И о тетра хорде говорят, что он составляется из первого чётного и первого нечётного, так что в 5 познаётся геометрическое созвучие.³³

И ещё, в составе десятки средним в арифметической пропорции оказывается 5. Возьмём 9 и 1, 8 и 2, 7 и 3, 6 и 4, – и числа каждой пары вместе составляют 10, а средним в арифметической пропорции оказывается 5, что ясно видно на чертеже.³⁴

И пятёрка, как первая середина, выражает доблесть и естество, будучи разделителем обоих пределов природного числа, ведь единица – это начало, десятка – завершение, соединение – двойка; (32) и как 1 к 2, так и 5 к 10, и обращением, как 10 к 5, так и 2 к 1, и перестановкой, как 10 к 2, так и 5 к 1, и как 2 к 10, так и 1 к 5. Так что соответствие крайних равно соответствию средних по геометрической пропорции, ведь дважды 5 равно единожды 10 (а уже сказано, что число начинается с единицы, а заканчивается на десяти). В свою очередь, половинное отношение края к середине впервые проявляется в пятёрке, совсем как в двойке – к меньшему: ведь двойным для 1 будет 2, и половинным для 10 будет 5. А потому она по природе является в космосе наиболее пригодной к зачатию. Ведь в десятке завершается и заканчивается весь космос, как много раз нами сказано. Он укореняется в единице, а движется согласно двойке. А жизненная природа согласна с пятёркой, ближайшей следующей сущностью и первой частью десятки, если только ей не надо быть сопряжённой с двойкой, будучи с ней одноимённой.

Есть пять общих элементов вселенной: земля, вода, воздух, огонь, эфир. И у них – пять фигур: тетраэдр, гексаэдр, октаэдр, додекаэдр, икосаэдр, так что основания вновь соединены вершинами в удвоенном отношении пятёрки.³⁵

Есть пять небесных кругов: равноденственный, и с каждой стороны от него идут тропики, летний и зимний, равные между собой (33) и вторые по соразмерности величин. А за ними – арктический над горизонтом и антарктический за горизонтом, наименьшие по величине, и тоже равные между собой. Схожим по положению образом на Земле мыслятся пять зон: жаркая равноденственная, две прилежащие к ней тропические, равные между собой, и две холодные у каждого полюса.

И блуждающих звёзд тоже пять, помимо Солнца и Луны.

И фаз Луны тоже пять: две половинных, две серповидных, одна полная. Некоторые же настойчиво выступают против выделения половинных фаз и полагают, что их по числу лишь две: ведь неверно, что Луна разделена пополам, и в доказательстве на чертеже видно, что большее, взятое в целом, есть освещён-

³³ Тетра хорд составляется из первого чётного 2 и первого нечётного 3 в том смысле, что отношениями этих чисел и единицы задаются октава $2 : 1$ и квинта $3 : 2$. И все интервалы диатонического строя, поскольку они строятся движением по октавам и квинтам (так называемый квинтовый круг), имеют вид $3^m : 2^n$.

³⁴ По-видимому, на чертеже выстроены в ряд числа от 1 до 9, – возможно, соединённые попарно так, что суммы чисел в каждой паре равны 10.

³⁵ Непонятное место.

ное, меньшее же – неосвещённое (разве только солнечная сфера была бы меньше лунной), так что всегда освещено больше половины Луны, и поскольку отбрасываемая тень конусовидна, прямолинейная образующая конуса при её продолжении по другую сторону служит прямолинейной образующей корзинной фигуры: общее для обеих фигур основание, разделяющее освещённую и неосвещённую сторону, описывает круговую линию.

И космических центров, которыми завершаются прямые, тоже пять: ведь ясно, что имеются два диаметра, поскольку они наибольшие и пересекаются под прямым углом. И они (34) пятикратно завершаются на самих себе и в небесных сферах, причём на себе – в центре космоса, а на сферах – в названных центрах.

И столько же чувств у живых существ – по их сродству, общему порядку и убыванию элементов. И по природе каждая из наших конечностей, я говорю о ногах и руках, разделяется на конце на пять пальцев. И внутренних органов тоже пять видов: почки, лёгкие, печень, селезёнка, сердце. И пять видов важнейших наружных членов: голова, руки, торс, срамной уд, ноги. И пять родов живого: живущие в огне, в воздухе, на земле, в воде, амфибии.

И ещё пятёрка зовётся примирением, ведь как с добавлением самостоятельного пятого элемента, эфира, исчез раздор между Луной и Землёй, так и первые различия и неподобия двух видов чисел, чётного и нечётного, обернулись дружбой и поддержкой системы порождённых ими связей, подобно тому, как сам эфир завершил дружбу фигур, сущностей и подобий, взаимно обнаружившихся по всякой противоположности вблизи от двух начал.

Поэтому Мегилл ³⁶ и возвеличил её в своей книге *О числах*: (35) «Пятёрка – это перемена, свет, примирение; перемена – ибо она трижды разошлась, превратив тождество сфер в светоносное круговое движение – а потому она также есть свет; примирение – через все предустановленные составы, соединения, а также сочетания и дружбу двух видов».

А ещё пятёрка – это выражение справедливости, справедливость же охватывает все блага, ибо она воздаёт каждому должное и повелевает в душе самим равенством. Равенство же души связано с одним лишь разумным, а неравенство – с неразумным, податливым и уступающим слову. Ведь равное – не разнообразно (ибо равное – одного сорта), а неравное – разнообразно (ибо неравное – многих сортов), и прежде всего оно имеет два вида: большее и меньшее; а потому душе присуще и равное, и неравное: равное – божественное и разумное, неравное – смертное и неразумное, и в последнем случае большее – это страсть (ведь она есть как бы вскипание и порыв, возникающий от переизбытка), меньшее – влечение (ведь она есть стремление к восполнению недостатка).³⁷ Так что всё управляется разумом, и тем самым равенство причастно благу, страсть – мужеству, влечение – (36) благоразумию. Однако имеется равно-равное число, производящее и вмещающее справедливость. И хотя всякое

³⁶ Об этом авторе ничего более не известно.

³⁷ Общая схема, восходящая к IV книге *Государства* Платона.

квадратное число является равно-равным, однако не всякое содержит в себе середину, но ясно, что лишь нечётное. А у чётного числа середина вообще не видна. Нечётное же – прикреплено к основе и крепко с ней связано, что проявляется в его логосе.³⁸ Знатоки и философы всегда стремятся к доказательству наименьших основ, да ещё и хорошо обдуманых и внушающих доверие, и усматривают их в образцах, подобных тому, что с ними однородно: двойное, бесконечное по природной сути, проявляется в двойке, отнесённой к единице, полуторное – в тройке, отнесённой к двойке. Таким же образом понятие и природа справедливости проявляются в равно-равном числе, то есть в квадратном, причём в чётном середина напрямую лишена своей доли, а в нечётном ясно видна, так что нечётные числа опознаются в своём основании и как бы семени. И первое из них – 9, ведь оно получается, когда первое нечётное число 3 составляет основу квадрата, трижды 3; и поскольку сторона впервые имеет середину, то и само оно впервые также имеет середину. Это стройно доказано (37) в сочинении о справедливости,³⁹ пифагорейцы же определяют справедливость так: «способность возратить равное и должное, содержащая в себе середину квадратного нечётного числа».

Пятёрка – первая удалённая в ряду идущих от единицы чисел, 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, и она сводит воедино одинаковые количества, ведь если имеется девятиместный ряд чисел, то связь посредством рычага уже присутствует в нём по природе. Отыскивается только разница со средним, а в пятёрке нет ни избытка, ни недостатка. Остальные, как видно, получают эту разницу в удел, и это – рычаг справедливости. Удалённые концы ряда связаны рычагом, а среднее число 5 – как отверстие втулки; со стороны многого находится часть от девятки до шестёрки, со стороны малого – от единицы до четвёрки, трёхкратная же множественность множественной целостности целого, – это 5, отверстие между двумя плечами, не причастное ни тому, ни другому, единственное равенство. Её соседи и близкие (38) по одну сторону становятся всё меньше, по другую – всё больше, словно подходя от краёв рычага к малому отверстию втулки. Дальше всего отстоят девятка и единица, и самый большой перевес, целая четвёрка, выпала на долю девятки, а потеряла её единица. За ними идут восьмёрка и двойка, и чуть меньший перевес имеет восьмёрка, чуть меньший недоевес – двойка, а именно – тройку. Следующими идут семёрка и тройка, и опять меньшее количество у тройки, большее – у семёрки, а отстоят они на двойку. Ближе всего к пятёрке, словно ко втулке, подходят четвёрка и шестёрка, с самой малой разницей, и меньшая разница у чисел уже неизвестна.

³⁸ Логос нечётного квадратного числа состоит в том, чтобы последовательно окружать исходную единицу слоями единичной толщины, формирующими последовательные квадраты.

³⁹ Один из важнейших диалогов Платона, *Государство*, был посвящён в первую очередь проблеме справедливости; в древности этот диалог так и называли: Πολιτεία ἢ περὶ δικαίου. Сочинения с названием Περὶ δικαιοσύνης имелись у Спевсиппа, Ксенократа, Аристотеля, Стратона, Гераклида, Антисфена, Хрисиппа и других авторов.

Из свисающих плеч перевес имеется у большего, направленного под своим углом ко втулке, а у меньшего – недовес; и перевес – это тупой угол, а отношение равенства имело бы прямой. И как одинаково связаны несправедливостью обиженный и обидчик, так в одинаковом неравенстве состоят большее и меньшее, ведь несправедливости сходно причастны обидчик и обиженный (первый наказывается, второй – находит спасение и защиту). И как большее расставлено по тупому углу рычага в порядке числового увеличения от середины, так и в справедливости всё самое лучшее (39) имеет превосходство, и когда к ней прибегают, всё ближе подходят к острому углу, как если бы обиженный всегда имел превосходство, и один падал к погибели и погружался во зло, а другой прибегал к богу за помощью и недостающим уравниванием. Поэтому придётся породить это равенство со всеми плечами и арифметикой, ведь оно изобретено словно по сопричастности между пятёркой и справедливостью.

И надо правильно отнять от пяти ⁴⁰ превосходящих и приложить отнятое к превзойдённому, чтобы получить искомое. И вот, при разделении и взаимном разобщении чисел пятёркой, будем отнимать от самого дальнего превосходящего нужную меру и прикладывать её к самому дальнему превзойдённому. Вот один: для уравнивания перенесём 4 от 9 и приложим к одному; от 8 отнимем 3 и приложим к 2; от 7 отнимем 2 и приложим к 3; от 6 отнимем 1 и приложим к 4 для уравнивания. Теперь одинаково обрезаны все превосходящие и выровнены все пострадавшие, и они уподоблены середине справедливости. Теперь повсюду стоит 5; и лишь сама она остаётся неуменьшаемой и несогласуемой, не делаясь ни больше, ни меньше, но сразу по природе имея подобающее, выпавшее на её долю.

И в фигуре, (40) составленной из первых цифровых начертаний (ὑρακιᾶτων χαρακτῆρας), 9 повелевает девятью знаками,⁴¹ а середина этого квадрата – это 5, и среднее в каждой связке видно как половина [суммы], и придумано так, что половина 9 цифр отмечена в 5, разделяющей 9 пополам, и сообразно 0 (τὸ τοῦ ο).⁴²

⁴⁰ Всё-таки не от пяти, а от четырёх, стоящих по одну сторону от пятёрки.

⁴¹ Описываемая здесь фигура имеет следующий вид (ср. Теон Смирнский, 102):

1	4	7
2	5	8
3	6	9

⁴² В греческой астрономии в вавилонскую шестидесятеричную систему счисления был добавлен знак о для обозначения пустого разряда – собственно говоря, наш ноль. Срединная пятёрка служит «нулём» изображённой фигуры в том смысле, что все прочие числа обладают в сравнении с ней избытком или недостатком, а в самой пятёрке ни избытка, ни недостатка нет. Ср. ниже, (50), где говорится о «нулевой середине».

Так, справедливость числа 5 и образ числового ряда прививаются рычагу, и получается отнюдь не невероятное изображение. Этот знак Пифагор возвестил в символической фигуре «не перешагивай рычага», то есть – справедливости.

К телу добавляются три житнетворных [природы]: растительная, душевная, разумная. И разумная выстроена по семёрке, душевная – по шестёрке, растительная же досталась в удел пятёрке, поскольку пятёрка – крайняя и наименьшая из живых. Ведь корнем всего называют единицу, движением поверх единицы – двойку, поверх второго – тройку, поверх третьего и к завершению – четвёрку, а прибавлением и ростом поверх всего – пятёрку, по природному и душевному состоянию, поскольку она прямо рассеивается в зарождении чувственно воспринимаемого.

А Немесий⁴³ говорит о пятёрке, что она надлежащим образом охватывает пять небесных, божественных и природных элементов; а ещё пять фигур для движущейся по кругу Луны и прочих светил: вечерний восход, вечерний (41) закат, утренний восход, утренний закат, и ещё – простой обход. Это – двойная задержка на эпицикле, прямая и обратная, однообразная по природе.

Целое растение состоит из пяти частей: это корень, ствол, кора, лист и плод. И осадков пять: дождь, снег, роса, град, иней. И восхождений пять: пар, дым, облако, туман и так называемый ветряной вихрь, а иначе – смерч. И сама пятёрка называется так из-за восхождений (ἀναλέμνοντος) её порывов.

В силу равного её называют уравнильницей и промыслом, и правом (δική) из-за деления пополам (δίχης), и Бубастией из-за того, что её почитают в Бубастисе в Египте, и Афродитой из-за соединения мужского и женского чисел. По той же причине её называют и свадьбой, и двуполой, и полубогом, и не только потому что она – половина божественной десятки, но ещё и потому, что на соответственном чертеже она установлена посередине. И ещё её зовут парной, потому что десятка делится пополам на иным образом неделимые пополам сущности, бессмертной Палладой – из-за образа пятой сущности, сердцем – из-за того, что она подобна сердцу, находящемуся в середине живых существ.

Из второй книги Арифметики Никомаха из Герасы

(42) Люди, когда терпят несправедливость, призывают богов, а когда вершат несправедливость, не призывают. Когда терпят несправедливость, призывают богов: ведь если они не призывают богов, то не смогут сохранить прежнее положение, и раз причина, по которой люди сохраняют прежнее положение, – это призывание богов, то они и призывают богов. А когда терпят несправедливость, эта несправедливость есть зло, но оно – ради природной пользы, а природная польза действует во благо, ведь природа блага, и таков же промысел. Стало быть, зло у людей возникает по промыслу. Вероятная причина этого ухвачена Гомером в таких словах:

⁴³ Этого Немесия, ничем более не известного, не следует путать с Немесием Эмесским, византийским богословом конца V в., автором книги *О природе человека*.

«Зевс распростёр, промыслитель, весы золотые; на них он
Бросил два жребия смерти и сон погружающий долгий;
Жребий троян конеборных и меднооружных данаев;
Взял посредине и поднял: данайских сынов преклонился
День роковой, данайских сынов до земли многоплодной
Жребий спустился, троян же до звёздного неба вознёсся».⁴⁴

О ШЕСТЕРКЕ

Анаголий

Шестёрка (ἑξάς) – первое совершенное число, ведь она составляет сумму своих частей: шестой, третьей и половинной. И в возведении в квадрат она обрамляет (43) себя: шестью шесть – 36. И при построении куба на этом квадрате будет то же самое: шестью 36 – 216, и 6 его обрамляет, а 36 уже нет.

Она возникла из первых чётного и нечётного чисел, мужского и женского, в возможности и перемножением: вот её и называют мужеженской. И она по праву называется супружеством, потому что она возникла не сложением, как пятёрка, но умножением. И ещё её называют супружеством, потому что она равна своим частям, а дело супружества – порождение созданий, подобных родителям.

По шестёрке составляется первое гармоническое среднее, ведь в сверхтретьем отношении её объемлет 8, а в двойном – 12; и среднее на третью часть превосходит один край и превосходится другим. И арифметическое среднее тоже составляется по шестёрке, ведь в полуторном отношении её охватывает 9, а в двойном – 12; и 9 на одно и то же число 3 превосходит один край и превосходится другим. И её части тоже составляют арифметическую пропорцию, 1 2 3. И ещё 6 – это геометрическое среднее, 3 6 12.

И телесных (44) направлений тоже шесть.

Следующее за пятёркой число 6 возвышено своей ясной заботой, оно полагает недвусмысленные образцы, оно одушевляет и очищает космос, и от него случается целостность, и непрестанная забота о здоровье, и соединение животных и растений, и приплод, и красота, и благо, и прочее.

Принят такой порядок: беспорядочная материя, извечно лишённая какой бы то ни было формы и осмысленности по количеству, качеству и прочим категориям, от числа как от важнейшего и творческого вида избрала упорядоченную осмысленность и слаженное изменение, и нашла беспримесную свиту по своей причастности к отысканию и стиранию особенностей числа.

Само число как таковое обнаруживает уходящее до бесконечности видообразование, осуществляющееся через совершенный синтез шестёрки. Ведь как первое совершенное имеет начало, середину и конец, так и второе сопоставля-

⁴⁴ Гомер, *Илиада* VIII, 69–74 (пер. Н. Гнедича).

ется с ним через своё собственное, равное, не избыточное и не недостаточное отмеривание. Оно обнаруживается, во-первых, в тройке как в корне, во-вторых, в шестёрке как в основе; но тройка содержится в шестёрке по совпадению (снова 2 и 2 и 2 – начало, середина и конец), и шестёрки в тройке уже нет (ведь часть меньше целого); однако мы ищем природные совпадения, а количество по тройке не выставляем. В связывании чисел шестеричным видообразованием, производимым до бесконечности, первой будет сама шестёрка 1 2 3, второй – опять шестёрка, опущенная по одной единице на ступеньку предыдущей шестёрки в порядке следования: 4 5 6, за ней – снова (45) шестёрка, дважды воспроизведённая единицами: 7 8 9; третья, четвёртая и следующие по порядку тройки сведены воедино: 10 11 12 и так далее. Так шестёрки возникают тройками, соединяясь запечатлённой симпатией чисел, которая по природе и самой сути впечатывается в бесформенную материю, когда вид безошибочно указывает дорогу виду.

Так душа членит и связует тело, как образ души – бесформенную материю; душу же ничто не может обустроить лучше числа шесть, и здесь не говорится ни о каком другом членении всего, кроме как о создающей душу, устанавливающей, открывающей и производящей внешнее живое устройство шестёрке.

А ещё душа всё гармонизует, ведь ясно, что гармония составляется из наипервейших созвучий эпитритного и полуторного интервалов при заполнении остального. Ведь её присутствие примиряет, и упорядочивает, и наилучшим образом сочетает смешиваемые противоположности живого, уступающие и сопутствующие друг другу, и тем самым здоровье возникает при смешении горячего с холодным, жидкого с сухим, тяжёлого с лёгким, плотного с рыхлым, и тому подобного, (46) а по отдельности они не составляют гармонии.⁴⁵ Сосуществуют же они, поскольку наличествует соединяющая их душа, а в её отсутствие происходит разложение всего живого и дезертирство. Элементарными началами гармонии называют полуторное и сверхтретье; половина же присутствует здесь по необходимости, ведь без половины не было бы и квинты; и треть тоже, ведь вместе с ней возникает всякое сверхтретье, и напрямую – кварта.⁴⁶ Первое же для них – число 6, как имеющее половину и треть, разнесённые в противоположные стороны, при разложении на два,⁴⁷ а при разложении на три – корень, двойку и тройку, чтобы возникло собрание всего различного, после чего всё разнесённое собирается и согласуется по природе. Но уже сказано, что наибольший вид души должен быть по необходимости телесным и сферическим, причём не одним только мужским или женским, но

⁴⁵ Это учение о здоровье как одухотворённой и гармонизованной смеси противоположностей принадлежит пифагорейцу Алкмеону (см. 24 DK B 4).

⁴⁶ Без половины и без трети не было бы соответственно полуторного и сверхтретьего отношений, характеризующих интервалы квинты ($\delta\acute{\alpha}\ \epsilon$ = «через 5») и кварты ($\delta\acute{\alpha}\ \delta$ = «через 4»).

⁴⁷ Под разложением на два ($\delta\iota\chi\alpha\sigma\tau\acute{\iota}\varsigma$) мыслится представление числа в виде плоско-произведения двух множителей: $6 = 2 \times 3$.

обоими сразу (ведь одушевлены оба эти рода), а потому из сферических чисел первым по природе логос чётно-нечётного получает шестёрка, а не пятёрка,⁴⁸ ибо душе приличествует быть мужеженской, а 5 принадлежит только к виду мужского.

Напротив, природа кубов сводится не к одному виду, а к трём, что проявляется в шести. Ведь квадрат на шестифутовой стороне сводит их воедино, располагаясь чётным и нечётным кубами в возможности, вместе с противоположным им кубом в действительности, $1 + 8 + 27 = 36$, составляя из них и охватывая гармонию.

(47) Вот 6 и 8 и 9 и 12; и общее начало, то есть единица, вновь возглавляет собрание искусно расположенных музыкальных интервалов, сводимых в общей гармонии. Двукратная октава между краями; полуторная квинта от каждого из средних через другое среднее к противоположному краю, от 12 не к смежному с ним, но к 8, и от 9 не к 12, но к 6; а сверхтретья кварта от своего к своему, то есть к смежному с ним: от 8 к 6, от 9 к 12. Ясно, что причиной этому – шестёрка. Ведь её цель – заложить основу всего на месте гипаты,⁴⁹ и отложить от неё все расстояния.

Что касается природного пути, в установленном составе души применительно к дважды протяжённому всякий промежуток дважды связан с обеими сторонами для всякого воображаемого рубежа, а в тройном исполнении получается шесть, и по той же причине на всяком промежутке возникают два созерцаемых телесных охвата, так что и этот кубизм души образуется по шестёрке.⁵⁰

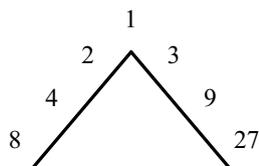
И не потому ли имеется шесть так называемых прямых средних, иначе говоря – пропорций,⁵¹ и столько же простых неравных сопряжений? Всеми этими принятыми соразмерностями и уравниваниями гармонизируется неразумная часть самой души и всего прочего.

Шестёрка служит первой основой (48) арифметического среднего: оно проявляется в наименьших числах 1, 2, 3, вкупе дающих шестёрку, и она приняла

⁴⁸ Числа 5 и 6 называются сферическими, потому что их степени заканчиваются соответственно тоже на 5 и 6: 5, 25, 125, 625, ... ; 6, 36, 216, 1296,

⁴⁹ Гипата – самая низкая нота в диапазоне октавы, представленная в системе гармонии числом 6.

⁵⁰ Здесь речь идёт о порождении космической души троекратным восхождением от единицы удвоением и утроением, описанном в *Тимее* Платона. На первом рубеже линий порождаются числа 2 и 3, на втором рубеже – квадраты 4 и 9, на третьем рубеже – кубы 8 и 27. Соответствующий рисунок имеет следующий вид:

⁵¹ См. Никомах, *Введение в арифметику* II, 28.

вид этой первейшей пропорции и числа как такового, когда в них воплотилось своеобразие данного среднего, поскольку неровное первообразование тела отвердело, дойдя до неё: 1, 2, 3.

О том, что шестёрка цельнонапевна (ὁλομέλεια), говорили пифагорейцы вслед за Орфеем, поскольку внутри десятки только у неё одной целое (ὅλη) равно частям (μέρεσι) или напевам (μέλεσι), и поскольку по ней вымерена вся вселенная в целом, и она повелевает напевностью (ἐμμελές): ведь не случайно семь движений светил возглавлены восьмым движением неподвижных звёзд, и число создаваемых голосов равно числу свистящих,⁵² и по необходимости сами интервалы и как бы средние возглавляет шестёрка.

А ещё она называется дружбой: ведь она соединяет мужское и женское через слияние, а пятёрка – только через сложение.

И она заслуженно называется миром, будучи первообразной в устройстве космоса: ведь космос, как и число 6, выглядит составленным из многих противоположностей согласно гармонии, и имя «космос» при подсчёте даёт шестьсот.⁵³ Спокойно его здоровье и зрелая зрелость, ибо благоразумным началам космических элементов причастны сами треугольники, и каждый из них находится под началом шестёрки, если катеты распределены трижды, ибо всё распределено по шесть. А потому – (49) столько сторон у пирамиды, плоскостей у куба, углов у октаэдра; а ещё таково число оснований додекаэдра, а также сторон куба, октаэдра и икосаэдра; и постижение всех граней, углов или сторон без шестёрки никак невозможно.⁵⁴

И шесть знаков зодиака находится над землёй, а шесть – под землёй.

И ещё, простая наличность от пятёрки до единицы отрекается от себя самой и вновь начинается с другого. Ведь один и пять составляют шесть, два и пять – то, что за ним, потом идёт три и пять, потом – четыре и пять. Завершением же является дважды пять, где пятёрка воспринимает саму себя.

Поэтому она называется далекоразящей, и трёхдорожной, и двухвременной. Далекоразящей – из-за тройки, унаследовавшей разящую сущность Гекаты, и как бы прибавляющей своё порождение. Трёхдорожной⁵⁵ же, пожалуй, по божественной природе, ведь возможно, что шестёрка первая получила три протяжённых движения, двояко осуществив каждое из них по двум противоположностям. Двухвременной же из-за разделения всего времени, шесть знаков зодиака над землёй и шесть под землёй, ведь тройке близко трёхчастное

⁵² Речь идёт о гармонии сфер; небесные тела со свистом рассекают эфир в своём вращении.

⁵³ $\Delta = 20$, $\Delta = 70$, $\Delta = 200$, $\Delta = 40$, $\Delta = 70$, $\Delta = 200$; в сумме 600.

⁵⁴ У тетраэдра 6 рёбер («сторон»), 4 грани («плоскости») и 4 вершины («угла»). У куба 12 рёбер, 6 граней и 8 вершин; у октаэдра 12 рёбер, 6 граней и 6 вершин. У икосаэдра 30 рёбер, 12 граней и 20 вершин; у додекаэдра 30 рёбер, 20 граней и 12 вершин.

⁵⁵ Один из эпитетов Гекаты – богини лунного света, колдовства и подземного мира. Геката часто изображалась трёхликой и шестирукой. Греки представляли себе её летающей у развилок дорог вместе с душами умерших.

время, ибо трижды два – шестёрка. Поэтому её называют также Амфитритой, ведь она по обе стороны (ἀμφίς) от себя имеет две тройки, и обе получают делением пространства пополам.

Имя же «соседки справедливости» применимо к ней ввиду простого (50) понимания того, что вслед за пятёркой идёт шестёрка. А Талией её называют из-за других гармоний, и Панацеей – из-за того, что она возвещает о здоровье, и вседостаточной – поскольку она вполне способна распределять целое.

А ещё имеется шесть промежутков между семью сферами: ведь промежутков всегда меньше на единицу. И в кубе, как телесности, шесть оснований служат пределами в каждом из трёх протяжений.

А потому добродетель творящего бога совершенствует космос шестёркой и по справедливости зовётся шестеричной. Ведь только истинному краю и нулевой (κατ' οὐδέν)⁵⁶ середине всякой божественной и совершенной добродетели присуще общемыслие или мудрость, и в простом противопоставлении имеется лишь отсутствие невежественности, но не избыток и не недостаток. Причём речь идёт здесь не о каком-то ином далёком благе, но о присущем всем смертным, не выходящем за шестёрку, не большем и не меньшем, но отпущенном по мере, – то есть о равенстве всей наличности, о её завершённости и цельности; и то, как переплетены мудрость бога и хитро устроенный космос, весь целиком, а также в своих растительных и животных частях, равно как и в прочих, проявлено в пределах семёрки.

И в пифагоровом прямоугольном треугольнике происходит зримое последовательное продвижение от единицы до шестёрки. Среди его углов один равен прямому, а два других неравны между собой и вместе равны первому; а гипотенуза в квадратах равна обоим другим сторонам. Три – (51) это меньший катет, четыре – больший, пять – гипотенуза, шесть – площадь, равная половине параллелограмма, когда этот параллелограмм делится диагональю.

Непрерывный числовой переход от единицы до шестёрки, от шестёрки до музыкального удвоенного, а от них ко всем целым вызывает очищение при рождении семимесячных и девятимесячных младенцев. Поскольку имеются два извода души, по двукратным и по трёхкратным интервалам, переход от шести до двенадцати охватывает двукратный интервал, до восемнадцати – трёхкратный. Для заполнения каждого интервала берутся два средних, одно – превосходящее и превосходимое краями на одну и ту же их часть, другое же – на равные числа.⁵⁷ Так выставляются отношения полуторного и сверхтретьего интервалов и, следуя ясному различию в рождении живого, между 6 и 12, состоящими в двойном отношении, вставляются 8 и 9, чем получается сказанное. Их общая сумма 35, умноженная на шестёрку, составляет время формирования семимесячных, то есть 210 дней. А 9 и 12 вставляются между 6 и 18, как перекрёстные сопряжения обращённой внутрь гармонии. Будучи сложенными вместе, все эти числа дают 45;

⁵⁶ Слово οὐδέν («ничто») я перевожу здесь как «нуль».

⁵⁷ Среднее гармоническое и среднее арифметическое.

и это число, умноженное на шестёрку, составляет 9 месяцев, то есть 270 дней. Оба времени рождения живого словно подвешены к шестёрке, как к причастной виду одушевлённого.

Поэтому первый удел (52) шестёрки в порождении души по Платону состоит в том, чтобы устанавливать благоразумнейшее. Её двукратное – это двенадцать, трёхкратное – восемнадцать, и так до двадцатисемикратного 162. Ведь в этих количествах видны два средних, и пара первых наименьших по природе средних образует между собой сверхвосьмерной интервал.⁵⁸

Но 6 в кубе даёт 216, время рождения на седьмом месяце, пересчитанное с семи на шесть дней, с момента принятия семени во влагалище.

Пифагореец Андрокид, автор книги *О символах*, а также пифагореец Эвбулид, Аристоксен, Гиппобот и Неанф, писавшие «о том муже», утверждали, что его метемпсихоз происходил через 216 лет. Стало быть, после стольких лет Пифагор достиг возрождения и ожил как бы после первого оборота и возвращения душеродного куба шести, возвратного благодаря сферичности, так что в другой раз через такой же период он возродился снова. По времени с этим согласуется то, что он имел душу Эвфорба. В самом деле, как сообщают, почти 514 лет прошло со времени Троянской войны до времён физика Ксенофана, Анакреонта и Поликрата, равно как осады и опустошения Ионии мидянином Гарпагом, бежав от которого фокейцы основали Массалию. А Пифагор – современник этих событий. Сообщают, что когда Камбис захватил Египет, (53) то Пифагор, учившийся там у жрецов, оказался в числе пленных и, угнанный в Вавилон, был посвящён в мистерии варваров; а Камбис – современник тирании Поликрата, бежав от которой, Пифагор перебрался в Египет. Стало быть, если дважды отнять период, то есть два раза по 216, остатком будет сама его жизнь в 82 года.

Вот так природа числа 6 соотносится с порождением и видообразованием души, и так в ней по сказанному Платоном обнаруживается способность к зачатию. Ведь когда порождение души доведено по порядку до двадцать седьмой части, в нём отыскивается шестеричное сочетание, причастное ни к чему иному, как к рассматриваемому, или к его (как мы уже говорили о шестёрке) особенностям. Ведь не только сама чётно-нечётная единица ясно соимённа другим, прежде всего имеющимся в ней разноимённым и противоположным частям (треть 2, половина 3, шестая 1, целое 6),⁵⁹ но соединение первых действительных нечётного и чётного чисел⁶⁰ есть вместе с тем и половина, притом единственная, среди всех чисел внутри десятки, как будто смесь ясно причастна и неделимой сущности, и делимой. И она гетеромекна в отличие от прочих,

⁵⁸ Средние 9 и 8 образуют интервал целого тона 9 : 8.

⁵⁹ Соимённость и разноимённость понимаются здесь в смысле чётного и нечётного. Треть от 6 нечётна по имени, но чётна по значению и т. п.

⁶⁰ То есть произведение 3 × 2.

ведь двойку называть таким образом неразумно.⁶¹ К тому же она изобличила первое телесное число,⁶² и пусть она и кособока,⁶³ но всё же трижды протяжена через середину, и она – наименьшая совершенная, целиком состоящая (54) из собственных частей. Платон заслуженно сочетал всё это вместе: первую неделимую сущность, вторую делимую, третью – состоящую из обеих.⁶⁴ И без разницы, два берётся трижды по другой причастности или три дважды в противопоставлении, ведь равны дважды три и трижды два, нечётное, чётное и чётно-нечётное, квадратное и гетеромекное.

А ещё пифагорец Аристей⁶⁵ сказал, что и не внутри шестёрки можно найти иное число всеуказующих отношений душевной гармонии.

О СЕМЕРКЕ

Анатолий

Семь (ἑπτὰ) – не имеющая матери дева. Она сложена из единиц. И она производит 28, совершенное число. 28 лунных дней складываются из семёрок. Если отложить от единицы семь чисел в двойном отношении, то получится 64, впервые являющееся и квадратом, и кубом: 1, 2, 4, 8, 16, 32, 64. А семь чисел в тройном отношении произведут второе число 729, являющееся квадратом (55) и кубом: 1, 3, 9, 27, 81, 243, 729.

Ещё семёрка (ἑβδομάς) знаменует тело, в трёх протяжениях – длине, ширине, глубине, и в четырёх пределах – точке, линии, поверхности, толще. Ещё 7 называют первым созвучным числом кварты, $4 \cdot 3$,⁶⁶ а также геометрической пропорции 1 2 4. А рождённых на седьмом месяце называют завершёнными и обильными. Семёрка – это кризис болезни. В прототипическом прямоугольном треугольнике 7 объемлет стороны, прилежащие к прямому углу: ведь эти стороны суть 4 и 3. Планет тоже 7. Семь границ: тело, расстояние, фигура, величина, цвет, движение, вес. Семь движений: вверх, вниз, вперёд, назад, впра-

⁶¹ С точки зрения пифагорейцев двойка гетеромекна лишь в возможности, а шестёрка – первое гетеромекное число в действительности.

⁶² Этого места я не понимаю. Если речь идёт о построении телесных чисел перемножением, то первым телесным числом в действительности должно быть число $8 = 2 \times 2 \times 2$. Но можно сказать и так, что первым телесным числом является 4, поскольку таково число вершин у пирамиды.

⁶³ Словом σκαληνός в геометрии обозначался разносторонний треугольник.

⁶⁴ См. Платон, *Тимей* 37 а.

⁶⁵ Ямвлих (*О пифагорейской жизни* 267) говорит, что Аристей был учеником Пифагора, и называет его уроженцем Метапонта.

⁶⁶ Кварты выражается отношением $4 : 3$, и $4 + 3 = 7$.

во, влево, в середине по кругу. Платон составляет душу из семи чисел. «Всё любит семёрку». Звуков семь, и модуляций звуков тоже семь.⁶⁷

Семь возрастов, как говорит Гиппократ: «Семь времён (ῥῶραι), называемых также возрастами: дитя, ребёнок, отрок, юноша, муж, пожилой, старик. Дитя – (56) до вырастания зубов в семь лет, ребенок – до половой зрелости, до дважды 7, отрок – до опущения подбородка, до трижды 7, молодой человек – до становления всего тела, до четырёхжды 7, муж – пока не достигнет пятидесяти без одного, до семижды 7, пожилой – до 56, до семижды 8, а затем – старик».⁶⁸

Из второй книги Арифметики Никомаха из Герасы

Её называют «водительницей стад» (ἀγυεῖα)⁶⁹ из-за уплотнённой и созвучной однородности её состава, ведь она всецело неделима, разве что на одноимённые с ней части; или потому что она своей природной завершёностью всё привела к совершенству. Далее, пифагорейцы вслед за весьма сведущими вавилонянами, Останом⁷⁰ и Зороастром стадами (ἀγέλαι) в собственном смысле слова называли звёздные сферы – или из-за того, что лишь они одни в совершенстве обводятся вокруг центра, в сопоставлении с телесными величинами, или же оттого, что связи (57) и соединения устанавливаются по их природным отношениям. А «водительницей стад» она названа в священных писаниях,⁷¹ и вставкой уничтоженной буквы «гамма» получается слово «вестница» (ἀγυεῖα); в каждом из этих стад звёзды и божества изначально подобны так называемым ангелам и архангелам; но по числу их семь, и потому семёрка действительно словно вестница, вот она и охраняет саму себя; и не только из-за того, что имеется семь главных охранительных чисел, но ещё и потому, что звёзды сохраняют всё, непрестанно и вечно оставаясь теми же самими.

Пифагорейцы считали семёрку не схожей с другими числами, но говорили о её возвышенном достоинстве: она непременно зовётся возвышенной (σέλτᾱδα), о чём пифагореец Прор⁷² говорит в книге *О семёрке*. И в слове «шесть» (ἕξ) намеренно произносятся каппа и сигма, которые совместно звучат в букве «кси» (ξι), чтобы сигма по слитному добавлению сочеталась со словом «семь» (ἑπτᾱ), незаметно превращая его в σέλτᾱ.

И причиной возвышения тоже является это седьмое число. Промыслом создающего космос (58) бога создано всё сущее, и началом и корнем его рождения служит первородное единство, так что всё произведено стиранием и воспроизведением высшей красоты сущего, достигая завершения и окончания в

⁶⁷ Семь звуков – это семь гласных: α ε η ι ο υ ω. Семь модуляций (μεταβολή) – это острое, тяжёлое и облегченное ударения, густое и тонкое придыхания, долгая и краткая длительности. Ср. Филон Александрийский, *О сотворении мира по Моисею* 121; 126.

⁶⁸ Гиппократ, *О седмицах* 5.

⁶⁹ Эпитет Афины (Διὸς θυγάτηρ ἀγυεῖη) в эпической поэзии и в орфических гимнах.

⁷⁰ Остан – персидский маг, сопровождавший Ксеркса в его походах в Элладу.

⁷¹ Имеются в виду орфические гимны.

⁷² Прор из Кирены, ученик Пифагора.

самой десятке; причём следует полагать, что голова – этот важнейший и самый уязвимый из органов и членов – сообразно семёрке присуща созидающему космосу богу. Ведь семёрка – это природная и не нами установленная середина между единицей и десяткой, поскольку середина в собственном смысле как бы превосходит края: ведь на ней сходятся оба отношения. И не только потому, что по среднему арифметическому сопряжению между единицей и десяткой стоят 4 и 7, сумма которых равна сумме краёв: ведь 4 настолько же больше одного, насколько 7 меньше десяти; и перестановкой, 4 настолько же меньше 10, насколько 7 больше 1.⁷³ Но ещё и потому, что от единицы до четвёрки – десять в возможности, в действительности же это сама десятка, а 7 – среднее арифметическое четвёрки и десятки, так что она будет полусуммой обеих десятков, в возможности и в действительности.⁷⁴

А ещё посредством семёрки в десятке возникает как бы акрополь и неодолимая крепость неделимой единицы: ведь она не приемлет ширины, будучи по сути одномерной,⁷⁵ обладая только одноимёнными внутренними частями, будучи внутри десятки ни с чем не смешанной, не производя до десятки никакой смеси, имея свой собственный логос и (59) нераздельную законченность.

Поэтому многому из того, что случилось в космических небесах и на земле – звёздам, животным и растениям – с ней наступает завершение. Так что она называется случаем, из-за которого всё происходит, и подходящим моментом, ибо доставляет подходящее место и природу.

О сказанном многое свидетельствует и в сферах, поскольку восемь сфер вверху и три внизу от лунной⁷⁶ образуют вокруг Земли завершённое совершенство и изобилие, мыслимое между верхом и низом.

Через это заполнение семёрка представляется как бы оруженосцем четвёрки. Середина десятки проявляется в семёрке, и необходимое завершение и заполнение сущего совершается как бы посредством обоих чисел; ибо 28, совершенное своими частями,⁷⁷ есть дело смешения обоих (четырежды семь), и охватывает много больше семёрки. И сумма чисел от единицы и до самой семёрки получается такой же.

И четыре семидневных лунных фазы разумно заполняют звёздные (60) месяцы, составляя примерно 28 дней.

⁷³ Существенно ещё и то, что эта арифметическая пропорция является непрерывной, ибо разность средних равна разностям каждого среднего со своим краем.

⁷⁴ У семёрки в цепочке чисел от 1 до 10 есть ещё одно интересное «среднее» свойство. А именно, она является центром тяжести системы из грузов весом от 1 до 10 единиц, последовательно расположенных вдоль одной прямой на равных расстояниях друг от друга.

⁷⁵ Букв. $\epsilon\upsilon\theta\upsilon\mu\epsilon\tau\rho\iota\kappa\acute{\eta}$ = «измеряющая прямую»; ср. Теон Смирнский, 23.12.

⁷⁶ Три сферы внизу от лунной – это сферы воздуха, воды и земли.

⁷⁷ Число 28 равно сумме своих частей, $1 + 2 + 4 + 7 + 14$. По общему правилу отыскания совершенных чисел $28 = 2^2 \times (2^3 - 1)$, где второй сомножитель является простым числом.

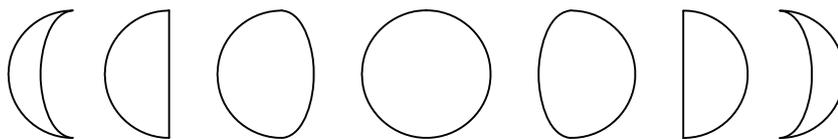
Насчитывается и семь фигурных очертаний лунных четвертей: полукруг делится серпом через всю Луну, затем другим серпом, одна из этих частей освещена, а затем так же делится и другой полукруг.⁷⁸

Семеричный счёт виден и в устройстве океанов. Прилив достигает наибольшей высоты в новолуние, на второй день становится меньше, на третий – ещё меньше, а затем его высота постепенно уменьшается до седьмого дня, когда видна половина луны. На восьмой же день она вновь сравнивается с тем, что было на седьмой день, и далее дела идут таким же образом: в девятый день – как в шестой, в десятый – как в пятый, в одиннадцатый – как в четвёртый, в двенадцатый – как в третий, в тринадцатый – как во второй, и в четырнадцатый – как в первый. Затем от другого начала третья семерка производит такое же изменение водной сферы, как первая, и четвёртая – как вторая. Таким вот образом улитки, головной и костный мозг идут на убыль, и многочисленные животные проявляют симпатию к звёздам. Попробуем теперь сказать, (61) что из этого может произойти с человеком.

Прежде всего, очищения женщин от так называемых месячных истечений происходят через указанный семеричный период. Далее, семерично порождение на свет в целом от соития мужчины с женской маткой: обычно в течение семи часов после соития её порождение либо удерживается, либо исчезает. Далее, перерезание пуповины в соразмерности с природой производится не внутри промежутка в семь часов, когда утробный плод продолжает питаться через пуп, подобно части растения, а не наружным дыханием, после чего он уподобляется животному и отсоединяется окончательно.

Далее, на седьмой день плод представляет собой оболочку, схожую с водным мешком. Об этом же говорит и врач Гиппократ в книге *О природе ребёнка*: «Моя родственница, весьма хорошая флейтистка, вступавшая в половую связь со многими мужчинами, не хотела удержать во чреве, чтобы не быть отвергнутой любовниками. Эта флейтистка услышала, как женщины говорили между собой, что всякий раз, когда женщина удерживает во чреве, порождение (γονή) не начинается, но задерживается. Услышанное случилось, и когда она почувствовала, что порождение целиком из неё не вышло, она сказала хозяйке, и эта история дошла до меня. Когда я это услышал, я велел ей семь раз подпрыгнуть вверх от земли. Она подпрыгнула семь раз, и началось порождение, и раздался шум. Я исследовал выпавшее, и оно было как сырое яйцо без кожуры, и внутри оболочки виднелась жидкость».⁷⁹ Так говорит Гиппократ.

⁷⁸ Ср. Климент Александрийский, *Строматы* VI, 16, 143: «Математик Селевк утверждает, что Луна имеет семь фаз». См. также рисунок:

⁷⁹ Гиппократ, *О семени, о природе ребёнка, о болезнях* 13.4–15.

Перипатетик же Стратон и Диокл из Кариста,⁸⁰ и многие другие врачи говорят, что на второй неделе на внешней поверхности названной оболочки выступают капли крови, на третьей неделе появляется жидкость, на четвёртой эта жидкость сгущается и образуется сгусток из плоти и крови, и завершение явно наступает к 28 дню, совершенному по природе, в котором сложены два нечётных куба, так что возникает определённое сущее; на пятой, то есть в 35 дней, в его середине образуется зародыш размером с пчелу, однако более худой, так что в нём целиком видны голова, шея, торс и бёдра.

И говорят, что рождение происходит на 7 месяце, и следует рожать семерых, и шестёрка, как (63) женское число, претерпевает от семёрки, как мужского. Причина рождения наилучшим образом подчинена семёрке, и потому семимесячные очевидно рождаются не менее живучими, нежели девятимесячные. А восьмимесячные, средние между теми и другими, гибнут по природной необходимости.

Пифагорейцы превозносят следующий расчёт, производимый как арифметически, так и на чертеже. Два наименьших числа 2 и 3, будучи основаниями кубов, производят 8 и 27, в сумме составляющие 35, в каковом числе по совпадению наилучшим образом видны созвучные отношения, по которым совершается гармония. Ибо рождение происходит из противоположностей, жидкого и сухого, холодного и горячего, противоположности же в составе этой раздвоенной гармонии не соединяются и не совпадают. А наилучшая гармония, служащая вместилищем всех созвучных отношений, задаётся числом 35, которое не только телесно и завершённо заполняет тремя интервалами два равно-равно-равных куба,⁸¹ но ещё и равно сумме трёх первых совершенных чисел, равных собственным частям: в возможности это 1, а в действительности 6 и 28. Поэтому и указанные гармонические основания теории всех созвучных сопряжений – 6, 8, 9, 12 – дают в сумме 35, гармонически сущий и совершеннейший параллелограмм, охваченный двумя нечётными числами 5 и 7, психогонически порождённый, ведь три протяжения устремлены по шести направлениям (а душа родственна шестёрке), как показано ранее.

А ещё (64) у трижды протяжённых телесных величин окраска и цвет проявляются по пятёрке, душа – по шестёрке, жизнь – по семёрке, а потому семёрка называется осуществлением и мышлением.

И взять ли семью пятью шесть, или пятью шестью семь, или шестью пятью семь – ясно, что итог будет равен 210, и столько дней вынашиваются семимесячные, за вычетом ещё 6, и через это число впервые проявляется состояние плодного пузыря, а с 6 это будет возвратный и сферический куб,⁸² равный своей завершающей части, числу души 6. И Диокл говорит, что шестикратное 35 производит телесное 210: число дней в семи месяцах, по тридцать дней в каждом. Гип-

⁸⁰ Диокл из Кариста (IV в. до н. э.) – афинский врач и комментатор Гиппократ.

⁸¹ Речь идёт о геометрической прогрессии 8, 12, 18, 27.

⁸² Число $216 = 6^3$ называется возвратным и сферическим, потому что оно заканчивается на 6.

пократь же говорит так: «Через 70 дней плод начинает двигаться, а в трёхкратный промежуток завершается».⁸³ И в самом деле, если взять три раза по 70, получится 210, а если по 90, то получится 270, – срок для семимесячных и девятимесячных.

И всякое семя, попав в землю, прорастает приблизительно через семь дней, и рожают чаще всего семь раз, а поэтому зачатие и беременность подвижны семёркой, так что в семь часов после рождения решается, жить им или нет. Ведь все дышащие рождаются от матери завершёнными и не мёртвыми и, вдохнув (65) воздуха, принимают одушевлённый вид, а в следующие 7 часов решается, быть им живыми или мёртвыми.

В семь месяцев у ребёнка режутся зубы, в дважды семь он смеётся и прямо держит спину, в трижды семь появляется членораздельная речь и высказываются первые желания, в четырёхжды семь он крепко стоит на ногах и переходит к разным затеям, в пятью семь – прерывает питание молоком по природе разделения. В семь лет у него выпадают молочные зубы и вырастают новые для твёрдой пищи, в дважды семь он созревает и словно обретает разделение всеобщей выразимой речи за предыдущие семь лет, в таких же природных обстоятельствах и столь же просто подходящих речах, после чего начинает надлежащие внутренние членения, будучи теперь разумным животным.

По мнению многих философов, имеется семь согласных с разумом чувств, и это наилучшее наполнение. Ведь, кроме уже названных пяти, надо причислить к ним ещё звуковое и семенное, само себя восполняющее, так что семенное чувство (66) по природе движет всем: мужским через рождение, женским через месячное очищение. Так что наилучшее время для порождения жизни – сразу после этого, и вавилоняне, не будучи ни набожными, ни причастными священной мудрости, всё-таки прерывают посвящения до этого времени. А по рождении шестёрки наступает время воздаяния в космическом завершении человека. И поэты заслуженно считают тридцатилетний возраст соразмернейшим, из-за воспроизведения в ребёнке. И совершенством тройки потомство делится на трое: отец, сын, внук.

Третьему семилетию отведён рост по длине, а четвёртому – завершение по ширине, и ни одно другое не завершает телесное приращение; а 28 – совершенное число. Пятое гармонически рождает 35, и сила уже более не наращивается, но обращается на продолжение рода. Поэтому атлеты в этом возрасте уже не одерживают новых побед, но ещё не слабеют. И законы наилучших государств предписывают наличие до семи военачальников, распределяющих командование между собой, уже не отдавая распоряжения из одного места. А когда в итоге логос десятки смешивается с семёркой и порождает десятую семь, тогда завершаются отпущенные (67) человеку дела, и по воздаянию он отходит к так называемому блаженству.

А ещё три из четырёх элементов вселенной по необходимости промежуточные,⁸⁴ так что в целом здесь тоже преобладает семёрка. Вот и богослов Лин⁸⁵

⁸³ Гиппократ, *Эпидемии* 2, 3, 17; 6, 8, 6.

во второй книге богословского сочинения *О Гименее* ясно говорит: «четыре начала всего держимы тройкими узами». Ведь огонь и земля сочетаются друг с другом в геометрической пропорции: ибо как земля к воздуху, так и вода к огню; и перестановкой, как огонь к воздуху, так и вода к земле; и обратно. Я полагаю, что такова связующая гармония между воздухом и огнём. Ведь небеса от воздуха до земли уподобляются отысканием и стиранием, каковые всегда дают то же самое, установленное и руководимое родоначалием и всем прекрасным по своей природе.

И среди прочих чисел семёрка управляет критическими днями, как в беременности и в возрастном воспитании, так и в болезни и здоровье, поскольку её происхождение по природе близко к устройству человека. Ведь так называемых чёрных внутренностей у нас тоже семь: язык, сердце, печень, лёгкие, селезёнка, две почки. И столько же (68) основных частей, каковые суть голова, торс, две руки, две ноги и срамной уд. И семь отверстий на лице: два глаза, два уха, две ноздри, один рот. И ещё семь органов питания и выделения: глотка, пищевод, желудок, кишечник, брыжейка, мочевого пузыря и седалище, называемое их началом. И без питания можно прожить только 7 дней.

И в геометрическом рассмотрении имеется семь видов начал: точка, линия, поверхность, угол, фигура, тело, плоскость. И допускают семь простейших испытаний: ведь три равных угла и стороны треугольника и он сам – это одна семёрка.

Весьма многочисленны и те признаки, по которым семёрка склоняет к болезни или здоровью. Ведь внутри семи дней встречаются все типы лихорадок, поэтому здесь и случаются кризисы.⁸⁶

Способ доказательства основан на рассмотрении особых свойств всевозможных пропорций, откладываемых от единицы. Здесь 1 и 7 места будут одновременно кубическими и квадратными, что мы видим на примере, 3 и 5 – только квадратными, 2 и 6 – ни тем, ни другим, то есть – ни трёхдневным, ни четырёхдневным типом лихорадки. И так называемые трёхдневные лихорадки наиболее схожи с квадратом по (69) начинанию треугольных плоскостей, ибо соразмернейший квадрат обладает равенством прямых углов и сторон,⁸⁷ и возвращается к себе, но все отмеченные через одно, 1 и 3 и 5 и 7 места причастны квадратам, стоящим в пропорции на равноотстоящих третьих местах. Четырёхдневные же приданы кубу через окружившие его основания, и из шести квадратных оснований 1 и 4 и 7 становятся общими: ведь отношение отмечено

⁸⁴ Огонь, воздух и вода расположены между землёй и небесами.

⁸⁵ Легендарный поэт, живший в Фивах; автор поэмы *О природе космоса*.

⁸⁶ Всевозможные типы лихорадок – однодневная, трёхдневная, полутрёхдневная, четырёхдневная и другие – описаны в сочинении Галена *О различных лихорадках*. Названия трёхдневной и четырёхдневной лихорадок говорят, на какие сутки повторяется приступ. При трёхдневной лихорадке приступ повторяется «на третьи сутки», и длительность цикла составляет двое суток. Точно так же говорят, что очередная олимпиада происходит «на пятый год».

⁸⁷ По-видимому, отсылка к Платонову *Тимею* 53 d.

с пропуском двух мест, всего через четыре дня, и эту пропорцию составляют все кубы, стоящие на четвёртых местах.

А так называемая полутрёхдневная лихорадка (ἡμιτρίταιος) собственной природы не имеет, но она оформилась из трёхдневной, полностью протекающей за двое суток, то есть за 48 часов, причём всегда тремя часами⁸⁸ ограничено одно из двух, приступ или передышка, а противоположный остаток – одним двенадцатичасовым интервалом, причём более быстрое или более медленное уделяет то же самое или так называемому большему полутрёхдневному, или меньшему, или среднему по отношению к избытку или удлинению каждого из двух, и по причастности второму дню будет отмечен второй двенадцатичасовой интервал, четвёртому – первый двенадцатичасовой интервал, шестому – начало, и он снова встречается в следующем седьмом, так что характер этого седьмого дня во всём схож с самым первым.⁸⁹

Всем вообще местам внутри промежутков четырёхдневных лихорадок причастны лишь обе – можно сказать, что они суть порождение (70) себя, критика и как бы оценка, – а тем, что посредине, не причастна ни одна лихорадка из всех, кроме однодневной, где необходимы и 7, и 1: ведь только эта отметка является общей, как на представленных чертежах.⁹⁰ На них приходится общее кратное всех рядов; а второе место пропускают трёхдневная и четырёхдневная, а причастны ему однодневная и полутрёхдневная; третье пропускают полутрёхдневная и четырёхдневная, а причастны ему однодневная и трёхдневная; четвертое пропускает трёхдневная, а причастны ему остальные три; пятое пропускает четырёхдневная, а причастны ему и трёхдневная, и однодневная, и остальные аномалии; шестому причастна из четырёх одна только однодневная, а остальные его пропускают; седьмое же причастно всему, как и первое.⁹¹

Другие типы понятнее и проще беспорядочного полутрёхдневного, а этот же яснее определяется так. Знаком первого начала следует обозначить 5 шестичасовых интервалов, причём так, чтобы против третьего вечера появился

⁸⁸ Весьма смутное место, – впрочем, как и почти всё сказанное в нескольких следующих абзацах.

⁸⁹ См. ниже таблицу кризисов полутрёхдневной лихорадки. В целом это место я понимаю плохо. Вроде бы, следует сказать, что по причастности пятому дню помечен второй двенадцатичасовой интервал. И неясно также, в каком смысле шестому дню присуще некое начало.

⁹⁰ Это место я также понимаю плохо. Вроде бы, ни одна лихорадка не причастна шестому месту; но почему говорится, что пустое место находится «посредине»?

⁹¹ Описанная здесь схема приступов может быть изображена в виде таблицы:

лихорадка	I	II	III	IV	V	VI	VII
четырёхдневная	o			o			o
трёхдневная	o		o		o		o
полутрёхдневная	o	o		o		o	o
однодневная	o	o	o	o	o	o	o

первый из них, в полдень второго дня – ещё один предел, далее которого уже не пройти. А по другую сторону – в полночь четвёртых суток, затем – на шестое утро, и, наконец, в полдень седьмого дня. По такому разделению, каковое является наименьшим, и рассчитываются аномалии.⁹²

И потому случаи и подходящие моменты распределены всяческими способами в согласии с семёркой по так называемым местам подходящего момента и случая, (71) причём подходящий момент и случай привычно считаются близкими. И не с возрастными ли ступенями связаны тонкие семеричные различия, особенно – с проповедуемым учением о завершении?

А ещё семёрку называют Афиной, подходящим моментом и случаем. Афиной – потому что она схожа с мифологической девой, будучи незамужней, и она не рождена ни от матери, то есть от чётного числа, ни от отца, то есть от нечётного, но только из головы всеобщего отца, какова и головная числовая единица; и она схожа с неженственной Афиной, ибо женское число легко разделяемо.⁹³ Подходящим моментом – потому что она в недолгом времени действительно завершает кризисы здоровья или болезни, либо рождения и гибели. Случаем (τύχη) – потому что она схожа с мифологической Тюхой, распоряжающейся смертью.

И не только человеческие звуки, но и инструментальные, и космические, и просто гармоничные звуки подчинены 7 элементарным голосам, и не только потому, что под 7 звёздами они рождены единственными и первейшими, как мы изучали, но ещё и потому, что первый чертёж был сделан для музыкального гептахорда.

А ещё есть три вида и части души: разумная, яростная, вожделеющая,⁹⁴ и они порождают четыре совершенных добродетели,⁹⁵ – подобно тому, как в телесном расширении имеются три интервала с четырьмя пределами.⁹⁶

О ВОСЬМЕРКЕ

(72) О восьмёрке (ὀγδοάς) говорят как о первом в действительности кубе и единственном чётно-чётном числе внутри десятки. Ведь 4 очевидно соединяет в себе признаки нечётно-чётного и чётно-чётного числа, допуская всего лишь два деления надвое вплоть до единицы, и сначала она делится сама, а затем

⁹² Эта схема очевидным образом отлична от только что описанной выше. Мне так и не удалось свести все приведённые здесь описания лихорадок в одну непротиворечивую картину.

⁹³ Женское число – то есть чётное.

⁹⁴ Платон, *Государство* 439а и сл.

⁹⁵ Платон, *Государство* 427е; эти четыре начала суть мудрость, мужество, рассудительность и справедливость.

⁹⁶ Эти четыре предела суть точка, линия, плоскость, тело.

её части.⁹⁷ И она прекрасно и параллельно сопрягается всяким сопряжением, так что, во-первых, она складывается из двух единственных не рождающих и не родившихся чисел, наличествующих в десятке (я говорю о сложении из 1 и 7), из двух чётно-нечётных в действительности.⁹⁸ Будучи первоэлементом в порождении кубов и первым слогом, она состоит из 3 и 5 в возможности, в действительности же из 2 и 6,⁹⁹ причём в первом случае – из двух первых нечётных чисел, перед которыми стоит несоставное, один (ведь следующее число составляется из трёх последовательных: 7, 9, 11, а следующее за ним – из четырёх: 13, 15, 17, 19).¹⁰⁰ В-четвёртых – из дважды плодоносящей четвёрки, (73) единственной рождающей и рождённой, так что в сравнении с двумя первейшими, нерождённым и рождённым, она имеет оба эти свойства, и складывается в 8. И ещё четвёрка явила нам сопряжения гармонических членов, созвучных внутри себя, и несозвучных, но между собой мелодичных.

А ещё восьмёрка зовётся людьми всеогласующей из-за необычайного очищения, или потому что она, равно-равно-равная и сама во всём очистительная, поразила возникновением правосудия. И она конечно же называется Кадмией, ведь предание повествует, что столько детей Кадму родила Гармония.¹⁰¹

Следы восьмёрки отчётливо обнаруживаются в небесах. Имеется восемь звёздных сфер и восемь нужнейших и важнейших для науки астрономических кругов. Это четыре больших круга, связанных друг с другом то так, то иначе: равноденственный, зодиакальный, горизонт и проходящий через полюса, так называемый полуденный или бесхвостый; и четыре меньших, друг с другом не связанных: арктический, антарктический, летний и зимний.

И всё то же на земле, если только на ней положен предел ходячим животным, среди которых – полчища скорпионов, раков и подобных им тварей, имеющих обозначаемое число ног, сразу за которыми следуют чистые (74) многоногие.

⁹⁷ Пифагорейцы называли чётно-чётным число, которое допускает последовательные деления пополам вплоть до единицы; нечётно-чётным – число, которое допускает более чем одно деление пополам, но у которого такие деления пополам до единицы не доходят.

⁹⁸ Чётно-нечётным пифагорейцы называли число, допускающее лишь одно деление пополам. Так что здесь какая-то путаница с определениями, и непонятно, что автор имеет в виду.

⁹⁹ Это противопоставление непонятно.

¹⁰⁰ Здесь описан принцип составления последовательных кубов как сумм последовательных нечётных чисел: $1 = 1$, $3 + 5 = 8$, $7 + 9 + 11 = 27$, $13 + 15 + 17 + 19 = 64$ и т. д. См. также Никомах, *Введение в арифметику* II, 20.

¹⁰¹ Кадм – сын финикийского царя Агенора, легендарный основатель Беотийских Фив, создатель греческого алфавита на основе финикийских букв. Гармония, дочь Ареса и Афродиты – его жена. Аполлодор (*Мифологическая библиотека* III 4, 2 и 5, 4) называет имена четырёх дочерей Кадма и Гармонии: Автонои, Ино, Семелы и Агавы, а также двух сыновей: Полидора и позднерождённого Иллирия. Опять же непонятно, причём здесь восьмёрка.

И человеческие зубы при делении на четыре распадаются по восемь, и на голове видны четыре различных между собой вида отверстий, и то же касается сосков животных, копыт и тому подобного.

А ещё она называется матерью, что поясняется уже сказанным (ведь чётное – женское), и её же называют матерью богов и Реей, – ведь двойка соответствует Рее семенным образом, а восьмёрка – через распространение. И известно, что самое имя восьмёрки (ὀγδοάς) произведено от ἑκδύας, поскольку она получена из двойки (ἕκ δυάδος) её возведением в куб.

По словам Филолая, природа приобрела трижды протяжённую математическую величину в четвёрке, качество и цвет – в пятёрке, одушевлённость – в шестёрке, ум, здоровье и то, что он называет светом – в семёрке, а после этого, говорит он, в восьмёрке вещам стали свойственны эрос, дружба, замысел и осмысленность.

Ещё она – преждевременно рождённая. А также – Рея, о которой рассказывают в мифах, что порождения её восьмёрки проглотил Кронос, когда она в тяжких муках родила восемь недоношенных детей.¹⁰²

А из числа Муз восьмёрку называют именем Евтерпы, потому что она самая изворотливая (εὐτρεπτός) внутри десятки, по природе имея чётно-чётную сущность вплоть до неделимой единицы.

Анатолий

(75) Восьмёрка называется хранительницей и владычицей, а ещё водительницей, потому что несёт в себе двойку в качестве семени, первого чётного числа. Будучи умножена на четвёрку, она порождает 32, а это, как говорят, есть время формирования родившихся на седьмом месяце. Поскольку сфера вселенной охватывает восемь других, отсюда и поговорка «все восемь». «Восемь сфер катятся кругом ... девятая около Земли», – говорит Эратосфен.

Началом музыкальных отношений служит число 8, и оно же определяет границы космической системы. И число 8 имеет сверхвосьмерное число 9 (ибо 9 превышает 8 на единицу); 12 есть полуторное для 8, сверхтретье для 9, превышая 9 на тройку; 16 есть сверхтретье для 12, превышение 4; 18 – полуторное для 12, превышение 6; 21 есть двукратное-и-сверхтретье для 9, превышение 12; 24 есть сверхтретье для 18, превышение 6; 32 – сверхтретье для 24, превышение 8; 36 есть двойное для 18, полуторное для 24, превышение 12. И 9, сверхвосьмерное для 8, – это Селена; 12, полуторное для 8, – это Гермес; 16, двойное для 8, – это Афродита; 18, двойное для 9, и сверхвосьмерное для 16, – это Гелиос; 21, двукратное-и-сверхтретье для 9, – это Арес; 24, двойное для 12, которое в свою очередь полуторно для 9, – это Зевс; 32, четырёхкратное для 8, – это Кро-

¹⁰² Гея и Уран предрекли Кроносу, что у него отнимет власть его собственный сын. По Аполлодору (*Мифологическая библиотека* I, 5), Кронос проглотил пятерых своих отпрысков – сначала Гестию, потом Деметру и Геру, потом Плутона и Посейдона. О какой восьмёрке идёт здесь речь, непонятно.

нос; 36, четырёхкратное для 9 и (76) сверхвосьмерное для 32, – это неподвижные звёзды. И в превышениях: 36 имеет превышение 4, 32 – 8, 24 – 3, 21 – 3, 18 – 2, 16 – 4, 12 – 3, 9 – 1; и 9 превышает 8 на единицу, 12 превышает 9 на тройку, 16 превышает 12 на четвёрку, 18 превышает 16 на двойку, и остальные подобным же образом.¹⁰³

О ДЕВЯТКЕ

Девятка ($\epsilon\nu\nu\epsilon\acute{\alpha}\varsigma$) – это самое большое число внутри десятки и неодолимый предел. Ведь она ограничивает видопроизводящую сущность. И не только потому, что и здесь, и там за тоном для музыкальных сверхчастных уже нет надлежащих отношений,¹⁰⁴ но и потому, что от природы соединение обращено от природных пределов к началам, и от обеих сторон к середине, многообразно показывая то, что написано выше о пятёрке как о справедливости. Во всяком случае, ей подходит имя симпатии и взаимосвязи, если девятка стремится к одному ($\epsilon\nu\acute{\alpha}\varsigma$), и всё в ней по звучанию схоже с одним ($\epsilon\acute{\nu}$).

И после девятки уже нет никакого числа, но всё в ней поворачивает по кругу, что ясно из сказанного. Ведь по природе путь идёт сначала к ней, а потом от неё. В самом деле, 10 рождает единицу вычитанием одного элементарного количества, то есть одной девятки; 11 и 20, в свою очередь, рождают двойку, когда девятка вычитается один или два раза; 12 и 30 – тройку; (77) а 100 снова рождает единицу вычитанием 11 девяток, и так до бесконечности, а потому ни при какой уловке не появится числа, в составе которого имелось бы элементарное количество, большее девяти.

Вот ей и дали название и определение Океана, ибо она содержит внутри себя оба обиталища, и её называли Прометеем из-за того, что она уже не имеет перед собой места для чисел, и притом весьма разумна. Ведь она трижды повелевает совершенным,¹⁰⁵ но не прекращает роста; и она составлена из двух кубов, 1 и 8; и только с ней начинаются квадраты сторон треугольников.¹⁰⁶

¹⁰³ Описанная здесь «гармония небесных сфер» настроена по диатонике, за единственным исключением. Первая октава: от основного тона (8) до Луны (9) – тон, от Луны (9) до Меркурия (12) – кварта, от Меркурия (12) до Венеры (16) – кварта. Вторая октава: от Венеры (16) до Солнца (18) – тон, от Солнца (18) до Юпитера (24) – кварта, от Юпитера (24) до Сатурна (32) – кварта. Наконец, от Сатурна (32) до неба неподвижных звёзд (36) – тон. Исключением из диатонической настройки является Марс (21), образующий интервалы 7 : 6 с Солнцем и 8 : 7 с Юпитером.

¹⁰⁴ Тон характеризуется сверхвосьмерным отношением 9 : 8. Сверхчастные отношения ($n + 1$) : n , для которых $n > 9$, в музыкальной теории пифагорейцев не встречаются.

¹⁰⁵ Выше говорилось, что числа 1, 3, 6 можно считать совершенными в трёх разных смыслах.

¹⁰⁶ Наименьший квадрат стороны целочисленного прямоугольного треугольника равен 9.

По крайней мере, единомыслие чисел не рассыпается впереди неё, но сводится к ней и пребывает в одном месте, и она называется единомыслием, переправой и восходом над сходкой.¹⁰⁷ Отпуская её называют из-за приобретённого изменения направления и возвращения от неё к единице, что обнаруживается на чертеже, относящемся к справедливости. А ещё она как бы возглавляет уподобление нечётным квадратам (говорят, что в целом ей подобен вид нечётного и неподобен вид чётного, а ещё подобен вид квадратного и неподобен вид гетеромекного), и поскольку стороне наиболее подобает третье место в природном уделе, вот и девятка стоит на третьем месте в продвижении своей пропорции.¹⁰⁸

Её зовут Гефестом, поскольку к ней (78) ведёт дорога, как при плавке и литье; Герой, ибо она правит эфирной сферой поверх восьми прочих; сестрой Зевса по причине её сочетания с единицей;¹⁰⁹ дальнедействующей из-за того, что она удерживает числа в ограде, поворотной из-за того, что она оказывается метой и конечным столбом, от которого начинается путь назад. Орфей и Пифагор называли девятку истинной Корэтидой,¹¹⁰ поскольку священные куреты¹¹¹ владели трижды трёхчастным, и когда к Коре были присоединены обе триады, их стало три.¹¹² Её называли также Гиперионом, поскольку одна величина восходит над (ὕλερ) всеми прочими, и Терпсихорой, поскольку она заворачивает и заставляет вращаться вспять по хороводу, и имеет в своём составе середину, начало и конец.

Девятка – первый квадрат нечётного. Её называют завершённой, ведь родившиеся на девятом месяце совершенны, а ещё она произведена из совершенного числа 3. Сферы вращаются около девятой, Земли. Говорят и о том, что (79) созвучные голоса дают в совокупности 9: 4, 3, 2. Сверхтретье 4 к 3, полуторное 3 к 2, двойное 4 к 2. И она – первое свёрхвосьмерное.

¹⁰⁷ Выражение ἄλιος ἀπὸ τοῦ ἀλίζειν заимствовано из диалога Платона *Кратил* 409а.

¹⁰⁸ Девятка стоит на третьем месте в геометрической прогрессии 1, 3, 9, 27, 81 ... , – непонятно только, почему третье место «в природном уделе» отведено стороне, а не плоскости.

¹⁰⁹ В том смысле, что $9 + 1 = 10$.

¹¹⁰ Корэтида – последовательница Кору-Персефоны.

¹¹¹ Куреты – божества, которым Рея поручила охранять младенца-Зевса, спрятанного в Диктейскую пещеру на Крите. Они стояли рядом с пещерой и ударяли копьями в щиты, чтобы Кронос не услышал плача младенца. От этих куретов происходят жрецы святилища Зевса Диктейского.

¹¹² Это место – весьма тёмное, и непонятно, о каких двух триадах, присоединённых к Коре, идет речь. Прокл в *Платоновской теологии* говорит о двух демиургических триадах. Но у него первая триада – это Кронос, Рея и Зевс, а вторая триада – Афина, Кора и сами куреты.

О ДЕСЯТКЕ

Мы уже не раз говорили, что творческий ум исполнил устройство и состав космоса и всего в космосе, соотносясь с числовыми сходствами и отображениями как с неким образцом. Поскольку же целокупное множество было неопределённым и всё существо числа – необозримым, представлялось неразумным и не сообразным точному знанию пользоваться необъятным образом, но требовалась соразмерность, дабы творческий бог восторжествовал в своем творчестве и возобладал над своими пределами и мерами, не сократив ничего по скудости в меньшую сторону и не впад неосторожно в превышение против надлежащего. Природное же равновесие, размеренность и совершенная цельность более всего пребывают в десятке (δεκάς). Она вбирает в себя семенным образом все числа – телесные и плоские, чётные, нечётные и чётно-нечётные, и всевозможные совершенные, первичные и несоставные, равные и неравные по десяти сопряжениям,¹¹³ диагональные, сферические и круговые; она сама по себе не знает никакого присущего ей самой или природного изменения, кроме как через обратное возвращение к себе самой. По справедливости, приводя целое в гармонию согласно своему намерению, он воспользовался ей как мерой и как бы гномоном и правилом. Поэтому всё от неба до земли и в целом, и по частям (80) согласовано её отношениями, будучи устроено сообразно с ней.

Поэтому пифагорейцы в своём богословии называли десятку иногда космосом, иногда небом, иногда всем, иногда судьбою и веком, властью, верой и Ананкой, Атлантой, неутомимым и просто богом, Фанетом¹¹⁴ и Солнцем – поскольку по десятке упорядочена вселенная в целом и космос по частям. Ввиду того, что она есть совершеннейший предел числа, десятка есть как бы вместилище (δεχάς), подобно тому как небо – вместилище вселенной, и её называли небесной, а среди Муз – Уранией.

Всем её называли потому, что больше неё уже нет никакого природного числа; если же что-то и мыслится, то оно возвращается к ней обратно: сотня – это десять десятков, тысяча – десять сотен, тьма – десять тысяч; любое последующее число таким же образом возвратится снова либо к ней самой, либо к чему-то внутри неё, и всё в неё разнообразно разрешается или возвращается. Или же десятка называется всем (πᾶν) от мифологического Пана (Πάνος): ведь он чтится в конце каждой декады месяца и накануне деревенскими людьми и вообще всеми пастухами, пасущими овец, коз, коров, табунщиками, воинами,

¹¹³ Неравные по десяти сопряжениям – см. классификацию рациональных отношений неравенства у Никомаха (*Введение в арифметику* I, 17).

¹¹⁴ «Сияющий» – бог-творец у орфиков.

охотниками, рыбаками, садовниками, дровосеками и теми, (81) кто закладывает какие-либо основания.

И видов животных, прирученных человеческим родом, насчитывается тоже десять: собака, курица, бык, лошадь, осёл, мул, гусь (или утка), коза, овца, ласка.

Судьбой её называли из-за того, что ни в числах, ни в численных составах нет ни одного свойства, которое не было бы заложено семенным образом в десятке и входящих в неё числах; при этом, как бы нанизываясь, она простирается и на следующие за ней, будучи судьбой в качестве как бы нанизываемого и упорядоченного исхождения. Эоном она названа потому, что Эон, производя вселенную, всесовершенен и вечен, исполняя всё, подобно десятке. Властью – потому что как этой подвластно всё в космосе, так и десятка явным образом держит в своей власти прочие числа, будучи некоей оградой, окружением и вместилищем всех отношений. Её называли и ключницей, ибо она есть сумма чисел до четвёрки. Верю она называется, поскольку, согласно Филолаю, мы твердо уверены, что десятка и её части охватывают всё сущее отнюдь не внешним и случайным образом. Памятью десятка названа по тем же причинам, по каким единицу именуют Мнемозиной.

И коль скоро Ананку богословы провозглашают постоянно мчащейся по внешнему краю всего неба и подгоняющей алмазным и несокрушимым бичом всеобщее круговращение, то таким же образом и (82) десятка должна считаться Ананкой, всё собою очерчивая, смешивая друг с другом, вновь разделяя и сообщая вещам движение и взаимосвязь. Сообразно ей сфер вселенной – десять.

Десятку именуют Атлантом, поскольку Титан, как рассказывается в мифе, несёт на своих плечах небо:

«И который надзор за столбами имеет:
Между землею и небом стоят они, их раздвигая».¹¹⁵

А десятка сосредоточивает в себе логос сфер, будучи как бы их общим диаметром и охватывая и окружая их прочнейшими узами.

Спевсипп Потон, сын Платоновой сестры, преемник Академии до Ксенократа, благодаря постоянному усердному слушанию пифагорейских чтений, а более благодаря сочинениям Филолая составил изящную книжицу, озаглавив её *О пифагорейских числах*. От её начала и до половины он элегантно рассуждает о линейных и многоугольных, о всевозможных плоских и телесных числах, о пяти фигурах, которые соответствуют космическим элементам, об особенных и общих свойствах этих фигур, об их пропорции и соответствии.

Во второй половине (83) своей книги он пишет прямо о десятке, объявляя её наиприрождённой и самой целеустремлённой сущностью, поскольку она, наподобие некоего творческого образа, сама (а не по нашему обычаю и не случайно) оказывается основанием для космических свершений, представляя все совершеннейший образец для бога, творца вселенной.

¹¹⁵ Гомер, *Одиссея* I, 53–54.

Он говорит о ней следующим образом: «Десятка – совершенное число; и правильно и согласно природе то, что мы, эллины, и все люди без всякого нашего к тому старания всегда возвращаемся к ней при любом счёте. Ибо десятке присущи многие свойства, которые приличествуют такому совершенству. Во-первых, она должна быть чётным числом, чтобы нечётные и чётные были равны, а не различны по мере: в самом деле, коль скоро нечётное всегда прежде чётного, то, если бы завершающее число не было чётным, другие преобладали бы.

Затем, первичные и несоставные числа должны быть равны со вторичными и составными; но в десятке они равны, и ни одно число, меньшее десяти, не имеет таких же свойств, хотя числа, большие десяти, имеют (таково 12 и некоторые другие). Однако десятка – их основа, первое такое число; а первое и самое малое из чисел, обладающих таким свойством, имеет некую завершённость. И это особое свойство десятки – являть в себе как в (84) первом числе равное количество несоставных и составных. Обладая этим свойством, десятка имеет опять-таки равенство кратных и подкратных, из которых получаются кратные. В самом деле, подкратные у неё – до пяти, а от шести до десяти – кратные. Поскольку семь не таково, оно исключается, равно как и четыре, кратное двум, так что они снова равны.

Далее, в 10 имеются все отношения – равенства, большего, меньшего, сверхчастного и прочих видов, а также линейные, плоскостные и объёмные числа. Ведь один – это точка, два – линия, три – треугольник, четыре – пирамида. Все они, каждое в своем роде, представляют собою первые и начальные фигуры. И первая пропорция – та, которая является в них, превосходящая равенство и завершающаяся в десяти. В плоских и телесных фигурах первые таковы: точка, линия, треугольник и пирамида. Они заключают в себе число десять, то есть завершённость: ведь в пирамиде углов и оснований – по четыре, рёбер – шесть, всего десять. Опять-таки, промежутков и границ точки и линии – четыре, сторон и углов треугольника – шесть, а всего – десять.

То же получается (85) и при рассмотрении фигур согласно числу. Первый треугольник – равносторонний, имеющий как бы одну линию и один угол; я говорю – одну, поскольку они равны, а равное всегда нераздельно и относится к одному виду. Второй треугольник – полуквадрат; у него наблюдается одно различие линий и углов на два. Третий треугольник – полуравносторонний и вообще половинный треугольник; в нём каждый угол и каждая сторона не равны другим, и всего в нём их по три.

Шагая до четырёх, в телах можно обнаружить то же самое, так что и этим путём мы достигаем десятки. Ведь первая пирамида имеет в своем равенстве как бы одну линию и одну поверхность, будучи восставлена на равносторонних треугольниках. Вторая, воздвигнутая на квадрате, – два, поскольку у неё есть одно отличие между углом при основании, охваченным тремя плоскостями, и углом при вершине, заключённым между четырьмя плоскостями, так что в этом она уподобляется двойке. Третья – тройка; она установлена на половинном квадрате, и, помимо одного уже указанного отличия, свойственного половинному квадрату, она имеет и другое отличие, а именно угол при верши-

не в сравнении с прямым углом при средней стороне основания, так что получается тройка. Таким же образом четвёртая пирамида уподобляется четвёрке; она установлена на основании половинного треугольника.¹¹⁶ Следовательно, всё сказанное завершается десяткой. То же и при порождении: первое начало величины – точка, второе – линия, третье – плоскость, четвёртое – тело».

Анатолий

(86) Десятка рождается в возможности из чётного и нечётного: ведь дважды пять – десять. Десятка – круг и предел всякого числа: ведь собираясь и возвращаясь к ней, они как бы обращаются к ней в конце ристалища. И она – граница беспредельности числа. Она зовётся властью и завершением, поскольку исполняет всякое число, заключая в себе всякую природу, – чёта и нечёта, движущегося и неподвижного, доброго и злого. Далее, она получилась от сложения первых чисел тетрактиды, 1, 2, 3, 4; и 20 получается из них же, повторенных дважды.

Затем, десятка порождает число 55, заключающее в себе удивительную красоту. Во-первых, оно возникло из первых четырёх двукратных и трёхкратных чисел, сложенных друг с другом, – двукратные 1, 2, 4, 8 (вместе 15), трёхкратные 1, 3, 9, 27 (вместе 40). Будучи сложены, они дают 55. Об этом упоминает и Платон, начиная своё порождение души: «Прежде всего он отнял от целого одну долю»¹¹⁷ и т. д.

Во-вторых, число 55 есть сумма десятки, а 385 – десятки в степени: если возьмёшь умноженные сами на себя числа от единицы до десятки, получишь в сумме сказанное число 385, а 385 есть семикратное от 55.

И ещё, если подсчитаешь «один» (έν) по буквам, обнаружишь в сумме 55.

И ещё, плодовая шестёрка, умноженная на себя, (87) в степени рождает 36. Семь мер этого числа таковы: дважды 18, трижды 12, четырежды 9, шестью 6, девятью 4, двенадцатью 3, восемнадцатью 2. Получаются 7 мер, составляющих в сумме число 55.¹¹⁸

И ещё, пять треугольных чисел подряд образуют 55: а именно, 3, 6, 10, 15, 21.

И ещё, пять квадратов подряд образуют 55: а именно, 1, 4, 9, 16, 25.¹¹⁹ Но ведь порождение целого, согласно Платону, происходит из треугольников и квадратов: из равносторонних треугольников возникают три фигуры – пирамида, октаэдр и икосаэдр, то есть огонь, воздух и вода; а из квадратов – куб, то есть фигура земли.¹²⁰

¹¹⁶ Имеется в виду половина равностороннего треугольника.

¹¹⁷ Платон, *Тимей* 35 в.

¹¹⁸ На самом деле 55 – это сумма всех восьми мер числа 36, включая 1.

¹¹⁹ Здесь в ряд квадратов единица включена, а в ряд треугольников – нет.

¹²⁰ Платон, *Тимей* 53 с – 55 с.